

**ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВ**

**МЕДНЫЕ ТРУБЫ
АРДИГА**

Владимир Дмитриевич Михайлов
Медные трубы Ардига
Серия «Разитель», книга 3

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166146
Медные трубы Ардига: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-06765-5

Аннотация

Даже непобедимым суперменам необходим отпуск. Поэтому Разитель, вольный агент разведывательной службы Теллуса, и отправился вместе с любимой женой на мирную и почти безлюдную планету Ардиг, чтобы насладиться отдыхом на берегу теплого моря. Но от судьбы не уйдешь, и семейная парочка внезапно оказалась на острие противостояния двух могущественнейших миров Галактики. На сей раз речь шла о господстве в Космосе, а в такой игре хороши любые средства...

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	18
3	23
4	31
5	43
6	51
7	58
8	65
Глава вторая	71
1	71
2	72
3	80
4	88
5	89
6	95
7	104
Э8	107
Глава третья	111
1	111
2	114
3	120
4	131

Глава четвертая	141
1	141
2	151
3	158
4	172
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Владимир Михайлов

Медные трубы Ардига

Глава первая

1

«Все-таки не зря наши технари едят свой хлеб и запивают – интересно, чем они запивают вообще-то? Ну, наверное, тем же, чем и мы, грешные. Не зря. Каждый новый кораблик – штучная работа, все умнее и сноровистей становятся машины. Если уже и сейчас без нас могут обходиться, то завтра нашего брата вообще будут отправлять на пенсию сразу после рождения, чтобы своей суетой не мешали прогрессу. Вот к чему мы идем, братцы. Но не пришли еще. Так что ты уж не взыщи, вирт-кап, придется тебе некоторое время побездельничать, хотя это тебе, знаю, что нож острый, но уж потерпи. Потому что ты у нас – существо законопослушное и нарушать что-либо себе не позволяющее. А тут мы таким методом ничего не добьемся. Придется преступать. Ты этого не умеешь. Зато я смогу. Потому что правила и установления, которых тебе вменено строго придерживаться, придуманы людьми, а они – мы – до сих пор для тебя высшая

инстанция, хотя, думаю, и ненадолго уже. Я же и сам человек и цену нам знаю, а также знаю и то, что все придуманное одним человеком другой может, а иногда и просто должен обойти, поскольку обстановка того требует. Как вот сейчас, например. Так что еще раз приношу извинения – и на этом кончаю этот с тобою диалог, даже не диалог – говорю-то я один, а ты помалкиваешь в тряпочку. Все, отбой!»

Так рассуждал Генус Тавров, командир-пилот-механик-экипаж дальнего всестихийного разведчика класса «Триолет», а вернее, даже не рассуждал, а просто позволил струиться потоку сознания, мысленно обращаясь к виртуал-капитану «двойки», перед пультом которой лейтенант и сидел сейчас. Не потому, что это являлось частью какого-то ритуала: извинение перед кораблем за то, что выключаешь его из системы управления и берешь все на себя, – такого ритуала вовсе и не было, еще не придумали. А сейчас следовало просто выключить свое сознание из этого самого процесса управления и целиком положиться на рефлексy, выработанные годами операций и тренировок. Оценивать рас­судком каждое свое действие на сей раз означало бы встать на верный путь к неудаче: сейчас все маневры были темповыми и задержка хоть на долю секунды привела бы к срыву. Так гимнаст на перекладине не может в верхней точке «солнца» задержаться, чтобы подумать над следующим действием: оно либо продолжается по автомату, либо происходит падение, провал. Действовать не размышляя, а здравый

смысл тем временем пусть занимается чем угодно – вспоминает давно читанные стихи хотя бы, разговаривает с компьютером, не рассчитывая на ответ, или пытается сообразить: а не забыл ли он полить цветы перед уходом из дома или, что скорее всего, опять забыл. А глаза, руки, ноги, а главное – твой микрокомпьютер, твой верный мик, работают в нужном темпе, выполняя задуманное действие.

А действием этим был лихой и правилами строго-настроженного запрещенный маневр выхода из Простора не то что на минимальном расстоянии от намеченной к обследованию планеты, но буквально почти на ее поверхности, даже не в верхних слоях атмосферы, а в плотных, нижних, на такой высоте, на какой летательный аппарат уже начинает посадочный маневр. Но выход этот был нужен вовсе не для посадки: финишировать на этой планете Тавров вовсе не собирался, хотел лишь совершить один виток – и снова уйти в Простор, оставляя тех, кому придется стать свидетелями такого хулиганства, в глубокой досаде. Маневр этот был нужен лейтенанту по нескольким причинам.

Первой из них было, как ни странно, сохранение собственной безопасности: выйди он в обычное пространство, он был бы заблаговременно замечен, и сразу же были бы приняты меры для его уничтожения.

Думать так заставляла судьба одного корабля – «Инспектора трасс» с четырнадцатью членами экипажа, – о факте гибели которого (и, по всей вероятности, которых) при невы-

ясненных обстоятельствах стало известно буквально вчера. Это, собственно, и заставило теллурианское начальство отправить разведчик в ту же область пространства – на сей раз лишь с одним человеком, для уменьшения риска.

Небесное тело, около которого – или на котором – погиб «Инспектор», было одним из множества мертвых, непригодных для жизни окраинных планет и вторым за короткое время, где стало происходить нечто непредусмотренное и необъяснимое, а именно – возникновение жизни, ничем вроде бы не оправданное. Изменения начались явно не без участия людей, более того – по некоторым признакам, именно людьми были инициированы благодаря каким-то новым возможностям. Эпохально! Но творцы чудесных преобразований явно не хотели не только вмешательства посторонних в начатый ими процесс, но даже их присутствия в пространстве, на расстоянии, с которого можно было бы вести наблюдение за происходящим. А в случае когда кто-нибудь пытался посягнуть на это стремление преобразователей к уединению, они шли на все, вплоть до уничтожения нарушителя границ, ими самими установленных. При этом кем были эти «они», до сих пор оставалось неизвестным: никто не спешил объявить себя чудотворцем.

Но при таком маневре, к какому сейчас готовился, еще находясь в Просторе, Тавров, никто – ни люди, ни автоматика – не успел бы даже сообразить, что, собственно, происходит, и тем более – нацелить и использовать средства уничтожения.

Так что у корабля-нарушителя были все шансы ускользнуть если не незамеченным, то во всяком случае непораженным.

Такой была первая причина. А вторая являлась, собственно, основной целью задуманного действия: во время облета – зафиксировать на видеокристаллах все, что попадет в поле зрения аппаратуры, в первую очередь – изменения, происходящие на поверхности, далее – технические средства, которые, несомненно, должны были там появиться для этого самого преобразования и которые, как надеялись на Теллусе, можно будет потом идентифицировать, выходя таким путем на их изготовителя, а от него, по торговым каналам, в конце концов и на тех, кто применяет их в этих вот операциях. И наконец, поскольку погибший «Инспектор» успел сообщить о том, что на поверхности планеты находился в то время корабль, сейчас можно было надеяться если и не застать сам корабль, то хотя бы обнаружить место его посадки и взлета и снять его характеристики, по которым впоследствии станет возможным определить не только класс, но, если повезет, и название корабля, а также (уже вернувшись в Простор) выяснить его маршрут, поскольку в узлах сопространства (как до сих пор официально именовался Простор) каждый маневрирующий корабль определенным образом меняет физику этого узла и след этот сохраняется, хотя и не вечно, но на время, достаточное для его фиксации. Именно такими делами занимался обширный отдел Службы – Космическая разведка. А всестихийный разведчик принадлежал как раз этому

отделу и был оборудован аппаратурой для анализа – если и не фундаментального, всестороннего, то, во всяком случае, позволял получить основные характеристики определяемого корабля в экспресс-режиме. Таким был смысл экспедиции.

...Тавров невольно вздохнул: последние секунды перед началом маневра, сумасшедшего выхода из Простора на грани катастрофы, истекали; их не хватило бы даже на то, чтобы еще раз проверить, хорошо ли включился его персональный мик, который, собственно, и будет вести операцию – потому что мик лучше знал о лейтенанте все, включая быстроту реакции и скорость выполнения нужных действий. Контроль за состоянием пилота осуществлялся им с предельной точностью, поскольку он как-никак был внутри этого пилота; и кроме того – мик знал все касающееся операции, вирт-кап же – нет, вводить в него всю информацию начальство не сочло нужным. Вообще доверять компьютерам тайны, полагали некоторые, в том числе и генерал Службы Иванос, было делом опасным и ненадежным. И вот...

Пять, четыре, три... Ноль.

Рука сама, без участия мозга, сработала. Поле! Незримое облако окутало корабль. Ход! Пробой!..

Туман в глазах. Головокружение. Мельчайшая вибрация не только тела, но и всего корабля. Привычно. И все равно страшно. Чернота на экранах – прорыв сквозь ничто. Ничего, все в порядке. Сейчас на мониторах возникнет чудесное звездное небо...

Никаких звезд. Их и не должно быть. Огненные струи. Гром – газовая волна, атмосферное цунами, вызванное внезапным появлением тела из ничего, мощным и мгновенным толчком швырнувшее воздух во все стороны. Скорость относительно планеты в это мгновение, к счастью, ноль – как и было задано. Иначе корабль сейчас и сам превратился бы в раскаленное облако. Нулевая скорость и полевая защита сработали честно. Первый опасный рубеж пройден. И – ускоряющийся разгон над самой поверхностью планеты, выбор заранее вычисленного курса, скорей, скорей, пока тебя еще не заметили, не поняли, не успели преодолеть растерянность, кинуться к оружию, поймать в прицелы...

Съемка идет? Идет. Прекрасно. Потому что своими глазами просто ничего не успеваешь увидеть.

Плавное изменение плоскости орбиты. Неравномерное. Чтобы не успели ее вычислить и там, впереди, встретить залпом.

Что-то промелькнуло. Зелень? Похоже, она. Еще немного ее. Но уже есть. Все правильно. Все оправдано.

Облачка разрывов вспухают впереди. На этом курсе мы лежали десять секунд тому назад. Но сейчас уже в стороне. Так и надо. Теперь осталось...

Ага. Вот он, финишно-стартовый круг. Здесь был корабль. Не черный круг, конечно, корабль садился и взлетал, естественно, на антиграввах, без всякой химии, одна гравитоника. Круг простому глазу незаметен. Но приборы его взяли.

В нем сохранилось, как и следовало, остаточное гравиизлучение, возникла небольшая, но все же определяемая гравитационная аномалия. Ее и записали.

Больше ничего интересного здесь нет. Если и можно будет что-нибудь увидеть, то уже на снимках. А сейчас – давай боги ноги!

Изменение курса на максимуме ускорения. Вовремя включились антигравы, облегчая отрыв. Касательная к поверхности плавно переходит в вертикаль. Ускорение на пределе. Атмосфера уже позади. Разгон. Пробой. Простор.

Жив? Невероятно, но да.

– Виртуал-кап! Прими управление. Загрузи анализаторы. Выполняй!

«Выполняю».

Уфф!..

Позволим себе пять минут покоя.

Но не более того. Потому что уже пошел поиск следов, оставленных в Просторе тем кораблем, разгрузка которого на пустынной, еще даже никак не нареченной планете была так надежно прикрыта батареями, работавшими на уничтожение.

Казалось бы, какие могут оставаться следы в пространстве? Даже в такой плотной среде, как вода, оставленный кораблем след уже через минуты исчезает с глаз долой; что уж тут говорить о пустоте Простора? Однако человек, сказавший в свое время, что «природа не терпит пустоты», да-

же и не подозревал, насколько был прав. То, что нашим несовершенным чувствам представляется пустотой, на самом деле заполнено множеством полей и излучений, а если кто-то полагает, что уж в сопространстве ничего подобного быть не может, то он глубоко заблуждается. Да, наш глаз не видит следов даже в воде, но пустите анализаторы – и они без особого труда обнаружат оставленные кораблем за собой микрочастицы краски, ржавчины, металла, засекут реакции ближней морской живности, выделяют из общей массы воды крохотные центры происходивших кавитационных микровзрывов, в которых разбиваются молекулы, а если глубина не очень велика, то и на дне тонкий анализ способен обнаружить линию крохотных нарушений. Но в море такой анализ требуется достаточно редко, судно быстрее можно обнаружить спутниковым наблюдением; а в Просторе просто нет других способов, кроме определения нарушений конфигурации полей и опять-таки засорения окружающего пространства микрочастицами, неизбежно теряемыми кораблем. Словом, ничто в мире не исчезает бесследно – еще одна старая истина.

И вот сейчас, за те минуты, которые Тавров позволил себе использовать для отдыха, приемники анализаторов обшарили немалый объем сопространства, без труда обнаружили аномалии, выстроили их в ниточку и таким образом позволили установить курс, каким ушел отсюда разгружавшийся транспорт, и далее – тот узел, куда, видимо, и устремился

разыскиваемый корабль. Вирт-капитан, выполняя полученную им программу, лег на тот же курс и, следуя по избранному вектору, вскоре оказался в нужном узле.

Тут предстояло найти новый вектор – тот, которым воспользовался преследуемый корабль, – и в свою очередь перейти на него. Определение заняло немного времени. Но перед тем как согласиться с предложенным курсом, лейтенанту пришлось задуматься.

Дело в том, что у него успело уже сложиться представление о том, куда неизвестный транспорт должен был направиться, скорее всего, для новой загрузки. Представление было совершенно логичным, и если бы лейтенанту сейчас предложили заключить пари, то он поставил бы и последние форменные штаны на то, что окажется прав. И проиграл бы. Потому что вектор, по которому ушел из этого узла корабль, уводил совершенно в другую сторону. В сторону, где находилось... Что же там находилось? Ответ прост: ровным счетом ничего. В том смысле, что в этом направлении ни к какому не то что цивилизованному, но даже и находящемуся в процессе освоения или хотя бы пригодному для освоения миру выйти нельзя было; там лежал край молодых звезд, где разумному человеку делать было бы совершенно нечего. И тем не менее искомый корабль ушел именно туда. Не оставалось ничего другого, как следовать за ним, устроив своей гипотезе более или менее пристойные похороны.

Настроение Таврова во время этой процедуры упало ес-

ли не до минусового уровня, то все же почти до нуля: все-таки был он человеком честолюбивым и потому ошибаться не любил, пусть даже свидетелей этих ошибок не возникало – или не сохранялось. Стыд перед другими людьми рано или поздно проходит, а перед самим собой – остается навсегда, он – одно из мучений, справедливо называемых адскими...

Столбик настроения дрогнул и робко двинулся по шкале вверх, когда разведчик уравновесился в том узле, куда привели оставленные транспортом следы, – и выяснилось, что новый, начинавшийся здесь участок пути в Просторе лежит уже по другой векторной линии, меридиональной, то есть практически под прямым углом к предыдущей – настолько, насколько здесь вообще были применимы понятия евклидовой геометрии. «Теплее, – с удовольствием подумал лейтенант, – куда теплее!»

Все начинало походить на обычную тактику запутывания следов, к которой прибегает заяц, стараясь обмануть преследующую его лису. Так что на движение по новому вектору Тавров согласился с легким сердцем, радуясь и тому, что в Просторе преодоление любого расстояния занимало не так уж много реального времени, хотя оно не было одинаковым для всех кораблей и зависело от их тоннажа, но прежде всего – от удельной мощности. В этом отношении у его «Триолета» соперников почти не было, разве что армагские перехватчики, но в разных мелочах и они проигрывали. Практически же это проявилось в том, что след уходящего транс-

порта становился все более четким, следовательно, расстояние между двумя кораблями неуклонно сокращалось. И когда разведчик вошел в очередной узел, то он едва не застал там преследуемого. Тавров искренне порадовался тому, что этого не случилось: вооруженное столкновение сейчас вовсе не входило в его планы. Он определил новый курс и вздохнул с облегчением – хотя при этом и возникло некоторое затруднение. Видимо, понимая, что след за ним все же остается и может быть обнаружен, пилот корабля пошел в этом узле на рискованный маневр: начал движение по одному вектору, оставляя след даже более четкий, чем до того, но вскоре сделал то, что хорошей практикой никак не рекомендуется: сдал назад, снова в узел, и уже, так сказать, на цыпочках, на пуантах, ушел в том направлении, в каком было необходимо. Лейтенант даже усмехнулся: они там думают, что по их следам пошлют какого-нибудь кадета, который клюнет на такого червячка?

А после следующей, четвертой, смены вектора в очередном узле стало наконец совершенно ясно, куда направляется транспорт. Тавров и обрадовался этому, и огорчился. Обрадовался тому, что возникла наконец уверенность в том, где находится пункт погрузки. А огорчился по той причине, что в его гипотезе место назначения было совсем другим. Жаль. Но переть против фактов он не собирался. И всю уже добытую информацию упаковал, а затем вышвырнул волновой пакет в Простор, откуда тому следовало своим ходом до-

браться до адресата.

После чего уже с полной уверенностью скомандовал вирт-капитану:

– Начать подготовку к посадке в режиме «Суша» на планету, номер по базе данных 1402.

«Выполняю», – ответил вирт-капитан, исполнительный, как всегда, когда им управлял человек опытный.

И произвел посадку без сучка без задоринки.

Тавров запросил анализы, они оказались благоприятными. Просканировал окружающее пространство; оно было чистым – в смысле безжизненным. И, задав вирт-капитану соответствующую программу, включавшую и вход в режим незримости, вышел из корабля, поскольку заметил нечто, показавшееся ему достойным пристального исследования.

...И не вернулся. Вирт-капитан констатировал исчезновение канала связи между ними. Послал в эфир, согласно программе, запросы – трижды. Ответов не получил. Зато зафиксировал приближение к себе людей и механизмов. Программа самосохранения сработала, и «Триолет» без пилота на борту стартовал и отправился в обратный путь, поскольку маршрут был надежно записан в его памяти.

2

Генерал Иванос покосился на адъютанта:

– Вы уверены, что это им не померещилось? Простор гораздо на шутки...

– Мы сперва тоже так подумали. Но они сбросили нам видеозаписи. Все соответствует. Это наши люди. И те четырнадцать, и Тавров.

– Где они? Есть какие-нибудь признаки?

– Никаких, шеф. Текст пришел как бы ниоткуда и отовсюду – вы знаете эту методику.

– Имею представление, – сказал Иванос, хмурясь. – Дайка то, что успел передать Тавров, посмотрю еще раз.

Адъютант снова вставил видеокристалл. Включил.

Планета, появившаяся в следующее мгновение на экране, вроде бы ничем не отличалась от сотен и тысяч других. Мертвый камень – такое общее определение вполне соответствовало бы ей. Атмосфера достаточно мощная, но ядовитая, совершенно непригодная для жизни. В этом можно было убедиться, увидев результаты анализа в бегущей строке. Снимавший аппарат находился на круговой орбите и перемещался по ней достаточно быстро, рассмотреть детали было трудно, однако никакой нужды в этом и не возникало. Планета была безымянной, как и все остальные, непригодные для жизни, – им хватало и номеров в каталоге.

Иванос пожал плечами:

– Не понимаю. Точно такой же она была и год тому назад. Совершенно ясно помню: тогда ее только открыли и сделали обзорный снимок. Откуда же тревоги? Может быть, я чего-то не разглядел?

– Вы совершенно правы, шеф. В том смысле, что это и есть та обзорная запись. Просто их смонтировали вместе. А вот сейчас пойдет нынешняя.

И правда, на дисплее после краткого затемнения появилось новое изображение. А на бегущей строке стали возникать новые символы и цифры.

– Х-холера! – пробормотал генерал после продолжительной паузы.

– Простите, шеф?

– Ничего. Это я так.

Холеры на экране не было; на нем по-прежнему виднелась планета. Та же самая? Поверить в это было трудно. Хотя цифры утверждали: наблюдаемое небесное тело обреталось на той же орбите, обращалось вокруг того же светила и находилось в тех координатах, в которых ей и надлежало быть, – учитывая путь, пройденный звездой со всем ее семейством со времени предыдущей съемки, по астрономическим меркам – все там же. Приходилось верить.

Впрочем, какие-то признаки тождества обоих изображений можно было найти и здесь. Например, горная цепь, пересекавшая поверхность чуть ли не от полюса до полюса, по-

что не изменилась. Все те же плоскогорья и те же низины. Однако!

Однако плоскогорья, ранее представлявшие собой песчано-каменные пустыни, сейчас зеленели. А низины – во всяком случае, самые низменные из них – превратились в озера; пожалуй, одно-два можно было даже посчитать морями. И еще несколько обещало возникнуть. Если появившаяся ниоткуда вода будет подниматься все выше, соседствующие озера станут сливаться в более обширные водоемы. Чудеса, воистину чудеса происходили на этой планете. Хотя любое чудо есть всего лишь признание нашей неспособности дать событию объяснение, то есть – нашего незнания многих и многих вещей.

– Сколько же прошло времени? – вслух подумал Иванос.

– С первой съемки – пятьдесят лет, – не промедлил с ответом помощник. – Однако планета наблюдалась и десять лет назад – с борта дальнего разведчика. Съемка не делалась, поскольку никаких изменений не было замечено.

– А сейчас, надеюсь, кроме записи было сделано еще хоть что-нибудь? Зондирование, например?

– Зонд был сброшен сразу после съемки. Передал результаты экспресс-анализа атмосферы. Вы их видите.

Иванос и в самом деле видел. Это была почти совсем другая атмосфера. Содержание кислорода раньше было нулевым, сейчас оно уже достигло семи процентов. Дышать этим, понятно, еще нельзя, но если так пойдет и дальше...

– Передал – а потом?

– Замолчал. И до сих пор считалось, что судьба пилота неизвестна. Как и тех четырнадцати: то ли они погибли, то ли нет...

– Отчего же неизвестна? – проворчал Иванос скорее самому себе, чем помощнику. – Нас всех учили тому, что человеческая жизнь – самая большая ценность в мире. Так оно и есть. Тела выдают и даром, а вот живого могут оценить дорого, и даже весьма...

И он перевел взгляд на другой монитор, на котором продолжал светиться лишь несколько минут назад полученный текст. Вздохнул. Невольно покосился на видеосет, в котором все еще находился кристалл с изображением потрясающей чудесами планеты.

– Выйди, – сказал Иванос адъютанту. Оставшись в одиночестве, нажал клавишу прямой связи: – Генерал-полковник? Докладывает Иванос. Нами получен следующий текст...

Начальник перебил сразу же:

– В курсе. Слушай внимательно. Эти планетки – не твоя забота. Твоя заключается в том, чтобы этих пропавших, во-первых, найти и, во-вторых, вернуть. И сделать это за две, от силы за три недели. Потом будет поздно.

Генерал-полковник не объяснил – почему поздно. Видно, вопрос этот был вне компетенции генерала Иваноса. Ну что же, дело привычное. Значит, так: найти и вытащить. Прикинем – что можно сделать и как...

Эти мысли быстро вытеснили из сознания все остальное. Потому что именно они были сегодня главными – для Иваноса, во всяком случае.

С чего начать? Как всегда – с подбора исполнителей. Ну-ка...

Не ко времени ожил иннерком. Голосом адъютанта сообщил:

– Шеф, тут к вам прорывается визитер.

– Выбей в аут.

– Я бы... Но это старый ваш дружок – Разитель...

– Вот как. – Иванос две секунды молчал. – Ладно, проси.

3

Я забеспокоился: Лючана – так зовут мою жену – на этот раз слишком уж задержалась в ванной. Пошел четвертый час, как супруга уединилась там, то плещась, то замирая надолго, так что ни звука не доносилось, и впору было задуматься – а не собирается ли она учинить что-нибудь бестактное: вскрыть себе вены, например. Такое случается, и не только с женщинами, хотя с ними чаще. Была бы, как говорится, причина. А причин, при желании, можно найти неимоверное количество – тем более тогда, когда они и вправду существуют.

Я признавал, что у Лючаны их было в избытке – даже для человека с ее характером, а он у нее не из мягких. На нее всегда можно рассчитывать в серьезной обстановке; но когда все утрясается и можно облегченно вздохнуть и расслабиться, вот тут надо держать ухо востро. Все то, что во время работы (так мы с нею называем деятельность, которой занимаемся при возникновении спроса на наши услуги) загонялось глубоко внутрь и нещадно подавлялось, в пору расслабления, когда, казалось бы, самое время пребывать в приятной истоме и восстанавливать нормальное благостное мировосприятие, вдруг начинает подниматься, как содержимое выгребной ямы, в которую добрый сосед бросил щепотку дрожжей. И вот сейчас с Лючаной, похоже, происходило что-то

подобное и она пыталась как-то справиться с пеной переживаний – но, кажется, у нее не очень-то получалось. Судя по тому, что...

Трах! Дверь ванной распахнулась настежь так, что едва не протаранила стену, и моя благоверная объявилась в комнате – распаренная, ароматная и донельзя злая. Она была в этот миг еще более привлекательной, чем обычно, и у меня шевельнулась нескромная мысль, но я тут же стер ее: имелся уже печальный опыт по этой части. Сейчас нельзя было задевать ее ни словом, ни делом – следовало ждать, когда она заговорит сама, и уже тогда что-то предпринимать, в зависимости от того, что и как скажет Лючана. Заранее предвидеть это было невозможно – во всяком случае, мне, как правило, не удавалось.

Так что примерно с минуту в комнате удерживалась тишина – слышно было только дыхание Лючи, хотя обычно оно такое легкое, что иногда начинаешь думать, что моя женушка обрела способность жить не дыша. Придерживая полы халата, она села в кресло напротив меня, глядя в сторону, закусила губу, как если бы хотела удержать в себе какие-то слова, потом перевела глаза на меня и проговорила так жалобно, что я даже испугался: а не подменили ли ее, пока она там бултыхалась?

– Нет, кажется, мне до самой смерти от этого не отмыться... Да?

Я понимал, о чем шла речь. О ее приключениях на Уларе

– в мире, где ей пришлось провести некоторое время в камере, да к тому же еще чуть ли не столетней старухой. Вот это последнее и терзало ее все время после нашего возвращения домой – ей казалось, что она продолжает оставаться старой, грязной, дурно пахнущей, и Люча ежедневно пыталась отмыться от этого, соскрести с себя все то, что ей мерещилось, но ничего не получалось, потому что оно оставалось внутри, в ее памяти, сознании и, наверное, даже в подсознании, – а тут не помогут ни мочалки со щетками, ни самые ароматные гели, мыла и пены. Тут требовались иные средства. И я, поскольку мне был задан вопрос, решил, что пришла пора поделиться с нею возникшей у меня идеей:

– Солнце, – сказал я. – Воздух. И вода, конечно.

Она высоко подняла брови, не понимая.

– Ну, и все такое. Тебе не кажется, что все тут у нас слишком уж похоже на то, что было на Уларе? Все тамошние ощущения сохранились. Мне вот то-же постоянно мерещится, что я, как там, сижу в компьютере в виде программы. Хотя тут у нас «Вратарь», а вовсе не «Гек», но они ведь в принципе похожи. Если мы хотим избавиться от таких ощущений, надо все сменить. – Я произнес это самым решительным тоном, на какой только был способен.

– Каким это образом? – проговорила она недоверчиво. – Вода – везде вода, в любом уголке мироздания, где она вообще существует. На что это ты собираешься ее сменить? На что-нибудь покрепче? Это можно сделать и без твоих хитро-

стей.

– Когда это я позволял себе хитрить с тобою? – обиделся я почти искренне. – Говорю совершенно серьезно: если хочешь отмыться от всего, что было, нужна другая вода. Что называется, живая.

– А у нас тут – мертвая, по-твоему? Мы пьем мертвую воду, да? Лучше помолчи, не то меня сию минуту стошнит.

Ее интонация мне определенно не понравилась.

– Ну почему сразу крайности? Я ни слова не сказал о мертвой воде, это совсем другое; тяжелая вода – не для питья, да и мыться в ней вряд ли стоит. Я имею в виду, что наша водичка тут – нейтральна, она поддерживает жизнь, но не более того. А нам нужно, чтобы...

– Что мне нужно, я знаю, – перебила меня Лючана. – И, откровенно говоря, уже думала о том, что надо куда-то съездить. Что ты скажешь насчет Топси? По-моему, мы там проводили время очень неплохо. Что, если снова махнуть туда? В Амор. Океан, песочек, тепло...

Последние слова она произносила мечтательно, словно ласкала каждое из них язычком, как конфетку, прежде чем отдать мне. Идея о визите на Топси явно пользовалась у нее приоритетом.

Мне это понравилось. Не сама идея, а то, что Лючана почувствовала – обстановку надо сменить, пока мы, она в первую очередь, не придем в полный порядок. Только очень наивные люди могут думать, что операции, подобные тем,

что проводили мы, сходят участникам с рук без последствий. Их представления о риске сводятся к безбилетному проезду в общественном скользяне. На самом деле из таких схваток выходишь куда более вымотанным, чем чувствует себя боксер после двенадцати раундов с достойным противником. И с каждым разом восстановиться становится все труднее. Лючана же до последнего времени этого не признавала. Наверное, потому, что затруднения с реабилитацией указывали, пусть и косвенно, на возраст, а подобное для любой женщины старше тринадцати лет является большим вопросом. Значит, и ей пришлось это признать. Бедная, чудесная моя Люча...

Я совсем расчувствовался (впору было доставать носовой платочек) и потому не стал высказывать возражений против ее проекта – что вовсе не означало, будто у меня таких не было. Поскольку Топси прежде всего – не курорт. Это рынок секретов, а чем больше секретов – тем обильнее грязь. И я наследил там немало, да и она тоже. Вряд ли наше появление там пройдет без осложнений. Разве что обосноваться на материке, но и там никто не даст гарантий безопасности. Конечно, для Лючаны в том мире все складывалось куда благоприятнее, чем для меня, но на этот раз судьба может повернуться другим боком.

– ... Что?

– Я сказала: похоже, ты задумался над тем – не слишком ли велик риск? Но ведь мы не станем выполнять никакого

задания. Будем просто жить, как растения, – тихо, никого не беспокоя...

Если позволят, усмехнулся я в душе. «Нас не трогай, мы не тронем» – этого правила там не придерживаются. Но вот сейчас я поведу себя именно так. Не выскажу ни единого возражения. Наоборот – поддержу. Раз уж в Лючане возродилась какая-то активность, важно позволить ей укрепиться, а о деталях можно будет подумать и потом. Да к тому же – клин клином вышибают, и, может быть, ощущение риска, которое там у нее неизбежно возникнет, напрочь вытеснит из сознания и подсознания моей красавицы все самое тяжелое, связанное с Уларом.

– Да нет, – произнес я как можно спокойнее, – риск там будет, скорее всего, на уровне бытового, мы его не очень-то и заметим.

– Значит, ты согласен?

– Целиком и полностью. Но если не возражаешь, для полной безмятежности я все же поставлю в известность Иванова.

– Лапочка генерал, – сказала Лючана. – Ну, если это тебя успокоит... Только попроси его не устраивать за нами постоянного пригляда: мне вовсе не улыбается отдых под колпаком Службы. Потому что тогда я и в самом деле буду ощущать себя кем-то вроде беглой каторжницы.

– Полностью принято, – откликнулся я. – Ты знаешь, что я терпеть не могу казенной опеки – почему и расстался со

Службой. Ну, прекрасно. Теперь, поскольку у нас полное единомыслие, не станем терять времени. Я сейчас же одеваюсь и иду к вышеназванному. Надеюсь, он нас поймет правильно. О сроках говорить не станем: пробудем там сколько захочется, пока не почувствуем себя заново родившимися.

– Правильнее сказать – воскресшими.

– Нет. Когда ты воскресаешь, с тобою оживают и все воспоминания, какими ты обладал. А мы ведь хотим, наоборот, отбросить из-за ненадобности. Я – сторонник нового рождения с совершенно чистой памятью, которую можно будет начать заполнять с начала.

– Пожалуй, ты прав. Ладно, иди. А я начну укладываться.

– Только самое необходимое, Люча.

– Возьму лишь пляжное. Ну, и одно вечернее платье...

Самое большее – два. Они занимают так мало места и почти ничего не весят.

– Но не более двух, ладно? И знаешь что? Оперкейсы оставим дома.

– Мне и в голову не приходило тащить их туда! Как ты мог подумать?..

Это как-то само собой подумалось. Но ведь они там и в самом деле нам не потребуются?

– Уложи заодно и мои вещи. Думаю, вернусь к обеду, вряд ли Иванос станет меня задерживать – служебное время у него всегда заранее расфасовано по пакетикам.

– Горячий привет ему от меня. Жду к обеду.

Выходя в прихожую, я услышал, как Лючана что-то негромко запела. Это было прекрасным признаком: поет она только когда на душе у нее становится легко. Ура.

– «Вратарь»!

«Хозяин?»

Все-таки как приятно, когда все исправлено, отремонтировано, налажено. И даже голос нашего «Вратаря» стал вроде бы мелодичнее, богаче обертонами, живее, что ли.

– Я выхожу ненадолго. Хозяйка остается. Включи защиту по полной, пока я не вернусь.

«Сделано».

Собственно, а куда я?.. Нет, зря я валю все на Лючану: у меня и у самого психика после Улара еще не пришла в норму. Явный дефицит живой воды. Может быть, и не стоит беспокоить генерала? В конце концов, это наше частное дело. А у него, человека официального, всегда могут найтись какие-то возражения – потому что именно торможение, а никак не поощрение является основной направляющей деятельности каждого чиновника. И чем он выше сидит, тем тормозные колодки толще.

Ладно, вскоре увидим. Хотя Иванос хорошо знает, что разубедить меня в чем-то – мартышкин труд. А уж когда мы с Лючей поем семейным дуэтом...

4

Направляясь к Иваносу, я пытался угадать: с кем же я встречу на этот раз? Вовсе не бессмысленное занятие, потому что на самом деле Иваносов было много, и все они – от своего в доску парня, с которым одно удовольствие посидеть за хорошо накрытым столом, не ограничивая себя в количестве принимаемого пойла, до холодного и надменного чиновника в погонах, который и смотрит не на собеседника, а куда-то в сторону, и разговаривает одним только уголком рта, выцеживая слова по одному с долгими паузами, чтобы партнер успел прочувствовать, какой великой ценностью обладает каждый звук, прозвучавший из генеральских уст, – все эти Иваносы (а их между этими двумя полюсами умещалось немалое количество) как-то ухитрялись сожительствовать в одном теле.

Впрочем, и тело это выглядело каждый раз по-иному, я имею в виду прежде всего лицо; Иванос обладал не очень распространенной способностью делать свое лицо (ничуть не прибегая к гриму и очень редко – к маскам) совершенно неузнаваемым даже для людей, знакомых с генералом еще с кадетских времен и встречающихся с ним чуть ли не повседневно. Не знаю уж, как это у него получалось, однажды я попробовал спросить – в ответ он только пожал плечами и проговорил неопределенно: «Да я и сам не знаю, настраива-

юсь, что ли, вхожу, как говорится, в образ, оно как-то само собой и получается». Я тогда подумал, что в нем погиб большой артист, хотя, возможно, и не погиб, как знать?

Так что перед каждой очередной встречей с ним вовсе не лишним было угадать, каким же он окажется на этот раз, и соответственно настроить самого себя, иначе никакого про- ка от встречи не будет. Тут можно было полагаться только на собственную интуицию, к которой я сейчас и пытался при- слушаться, чтобы правильно расшифровать ее не всегда чет- кие сигналы.

Похоже, что мне удалось угадать верно. Это я понял, когда переступил порог генеральского кабинета. Сегодня это был, кажется, один из средних Иваносов, вполне узнаваемый, не очень веселый, но и не так чтобы надутый, не то чтобы свой- ский, но и не совсем забывший еще, что чуть ли не вчера мы с ним проводили совместную операцию на Уларе, не к ночи будь помянута; не совсем забывший – но и не то что- бы стремящийся об этом вспоминать. Короче, я увидел Ива- носа делового, не обрадованного каким-либо успехом, но и не огорченного поражением, спокойно-занятого, как бывает при разработке операции, когда все происходит еще лишь в компьютере, а не в натуре. Увидел и подумал: «Не ко време- ни».

Для вящей уверенности я попробовал прозондировать его сознание; но, как и обычно, дальше порога не был допущен. Можно было бы, конечно, увеличить усилие и что-нибудь да

выудить, однако он почувствовал бы это и соответственно настроился, а мне вовсе ни к чему было сейчас обострять отношения с ним.

Генерал поднялся из-за стола мне навстречу, даже приобнял, похлопал по плечу и указал не на посетительский стул перед казенным рабочим комбайном, а в сторонку – туда, где в уголке стояли два глубоких кресла перед низким столиком. Усадил меня, уселся и сам и несколько секунд внимательно глядел на меня, не подавая сигнала к началу разговора. Закончив осмотр, слегка покачал головой и начал сам:

– Имею для тебя от силы десять минут. Так что излагай кратко. Еще не совсем пришел в себя, верно?

– Пожалуй, да, – признал я очевидный факт. – А вот ты выглядишь, словно и не покидал кабинета, могу только позавидовать. Что, вашего брата – генералов Службы – специально обучают быстро восстанавливаться?

Он усмехнулся:

– Для нашего брата каждый выход в поле мало чем отличается от курорта, потому что там нет начальства, а оно-то и является главным раздражителем, поскольку противника нейтрализовать можно, а начальство – нельзя. Так что там я отдохнул душой, а с телом справляться все мы обучены, верно? Вот и тебя сейчас наверняка беспокоят не боли в суставах, а нервы, нервочки, всякие ночные кошмарики. Так? Но это, как известно, дело поправимое.

Я кивнул, но внес корректив:

– Верно. Но в первую очередь не мои нервочки.

– Да, – сразу же согласился он. – Хорошо, когда жена – коллега, но, как сказал некогда великий поэт, «хорошо, да как когда». Переживает?

– Сильнее, чем ожидалось.

– Ясно. Зашел бы к вам, попробовал ее разговорить, но, сам понимаешь, как всегда после выхода тут накапливается столько всякого, что не сразу расхлебаешь. Ты ведь с этим пришел? Хотел пригласить в гости? Но, видишь ли...

Я покачал головой:

– Так далеко мои планы не заходили. Нет, я со скромной просьбой.

Похоже, мои слова его успокоили: он даже немного расслабился в кресле. Другой бы и не заметил этого, но я-то знаю его достаточно давно и хорошо.

– Ну, излагай. Все, что в моих силах...

Я постарался как можно короче объяснить наш с Лючаной замысел. И ожидал, что в ответ он, улыбнувшись, скажет: «Ладно, принимаю к сведению, в случае чего окажем тебе содействие...»

Получилось, однако, по-другому. Когда я умолк, он несколько секунд помолчал, потом встал и кивнул мне:

– Давай-ка перейдем в рабочую обстановку.

Это означало, что мне следовало занять клиентское место перед большим пультом. Сам он воссел на свою пятиногую вертушку напротив. И только после этого проговорил:

– Похоже, этот номер у вас не пройдет.

– Почему? Там же сейчас вроде бы все спокойно. Я слежу за информацией по общим каналам...

– А я – по специальным, – перебил Иванос. – И она, скажу тебе, сильно отличается от публикуемой. Сейчас загружу. Читай.

Он кивнул в сторону одного из мониторов. Я принялся читать один текст за другим и с каждой страницей понимал, что он прав. Иванос же попутно комментировал:

– Вот запрос на выдачу тебя, поскольку на Армаге – а Топси ведь формально область их интересов – на тебя заведено дело по обвинению в нарушениях тамошнего законодательства по статьям, предусматривающим фальсификацию документов, незаконное владение оружием, попытку похищения государственных секретов, а также связь с криминальными элементами, и прочее, и прочее. А помимо того, по Улару в отношении тебя начато преследование и вчинен гражданский иск, поскольку исчезновение Улара ставится тебе в вину как организатору действий, приведших к такому результату.

– Гм, – промычал я. – Просто удивительно, что я еще на свободе. Во сколько же они оценили ту планету?

– А ты не юродствуй. Дело-то официальное. Не приходи ты сам, пришлось бы мне приглашать тебя. Хорошо еще, что это попало ко мне.

– Знал бы, – сказал я, – взял бы с собой хоть зубную щетку.

– Давай без шутовства. Некогда. Сам понимаешь, выдавать тебя им никто не собирается, и этот их запрос я замариную по высшей категории – просто время должно пройти. Но это еще не все. Смотри дальше.

Я посмотрел. И не только на то, на что он хотел обратить мое внимание. Но при помощи третьего глаза попытался разглядеть и еще что-нибудь интересное. Все было надежно заблокировано, так что увидеть удалось очень немного – и оно для нас с Лючей никакого интереса не представляло. Поэтому я сдался:

– И до нее добрались? Неплохо работают, не ждал от них такой прыти, честное слово.

– Теперь понятно, да? И тебе, и Лючане показываться там, куда Армаг достягает – а уж на Топси они как дома, – скажу без преувеличения – самоубийственно. Так что этот ваш вариант не проходит ни с какой стороны. Плюньте и забудьте.

Ничего другого и не оставалось.

– Ладно, – сказал я, – спасибо за исчерпывающую информацию. Недаром у меня было такое ощущение, что надо тебя поставить в известность, вопреки моим привычкам. Если позволишь, когда изобретем новый план, снова тебя побеспокою, а то, может, меня и еще где-нибудь объявили в розыск. А куда-то нам улететь нужно. Люче в первую очередь. Иначе мы ее потеряем как нормального человека.

– В этом никто и не сомневается. А что касается новых планов...

Тут Иванос умолк и молчал не менее двух минут – для него это было совершенно необычным. Настолько, что я не решился прервать это безмолвие и терпеливо ждал. Он не смотрел на меня, прикрыл глаза веками, наверное, чтобы мой несколько растерянный вид не мешал ему соображать. А когда снова посмотрел на меня, в его глазах ясно обозначилась мысль.

– Знаешь, Ра, – произнес он с той интонацией в голосе, которая должна была свидетельствовать о полной откровенности, задушевности и доброжелательстве, – пожалуй, ты пришел как раз вовремя: похоже, я смогу вам помочь. Поскольку давно известно, что лучший отдых – это смена занятий, я могу предложить вам кое-что хоть сейчас... Понимаешь, тут назревает одно, прямо скажем, необычное дело и с минимумом риска, чтобы не сказать вообще без риска, зато – незнакомые места, небывалые впечатления, бездна новой информации...

Может быть, он говорил бы еще долго, но я остановил его одним только словом:

– Нет.

И пока он еще не пришел в себя, добавил:

– Никаких операций. Никаких задач. Никакого подчинения. Разве я не с этого начал?

– Начать можно с чего угодно, важно – чем закончить.

– От нас обоих – сердечная благодарность за заботу. И полный отлуп.

– Не узнаю тебя. Ты бы хоть поинтересовался, в чем дело...

– И слышать не хочу. Я прекрасно понимаю: как всегда, людей не хватает, проблем куда больше, чем оперативников, и тому подобное. Но мы хотим отдохнуть – и ничего больше. Без приключений. Без нервовтрепок. Без контактов. Наедине с природой, вот как. Извини, что потревожил тебя не вовремя. И желаю успехов. – Я встал с кресла. – Пока!

Однако он жестом удержал меня:

– Не дури. Ты обратился ко мне – и хочешь, чтобы я отпустил тебя без всякой помощи? Когда это я позволял себе такое? Скажи: какие условия вам нужны, чтобы восстановить форму как можно скорее? Сформулируй точно.

Я насторожился:

– Брось, Ив, ты не бываешь добреньким задаром. Хочешь все-таки держать нас на поводке?

– Не исключено, – признал он. – Сейчас об этом никакого разговора больше не будет – именно потому, что вы не в том состоянии, чтобы заниматься делом. Однако в моих интересах, чтобы такая возможность возникла хотя бы в ближайшем будущем. А для этого, как я понимаю, надо найти местечко, наибольшим образом соответствующее вашим пожеланиям.

– Ну, наши потребности минимальны, – утешил я генерала. – Прежде всего – вода. Много воды. Как можно больше. Море. Лучше – океан. Для Лючи сейчас это было бы самым

действенным лекарством – удалось бы наконец смыть с себя все то, что...

– Понял. Много воды. Еще?

– Поменьше людей вокруг. Тишина. Полное, по возможности, отсутствие звуков, издаваемых двуногими без перьев, а также их продукцией.

– Ты уверен? Может быть, как раз наоборот – побольше народу? Чтобы отвлечь ее от всего...

– Не сейчас. Пока она, в ее представлении, покрыта грязью, чужие взгляды для нее самое страшное.

– Итак, поменьше людей и звуков. Дальше что?

– Ну, желателен, конечно, пристойный климат. Курортный, так сказать. У нас ведь издавна сложился такой стереотип отдыха...

– Верно. Сложился. То есть, как я понял, поближе к дикой природе и подальше от общества?

– Вот именно.

– Так-так.

Иванос выдержал еще паузу, правда, не столь продолжительную. Пошевелил пальцами над столом, словно разыгрывая какой-то пассаж на невидимой клавиатуре.

– Что же, есть такой вариант. Могу рекомендовать. Сам собирался туда, но вот дела заели.

– Любопытно, – сказал я, и на самом деле заинтересовавшись. – Куда же посоветуешь нам устремить свой путь?

– Ты, по-моему, не бывал на Ардиге? Это по каталогу но-

мер 1402.

Это название не было для меня новым, как и обозначение любого другого обитаемого или хотя бы посещаемого мира. Но я там никогда не отмечался. Да и лежала эта планета – а вернее, «Детская площадка», то есть та система, в которой Ардиг находился, – далеко на окраине и сильно в стороне от оживленных трасс. И ничего, что требовало бы моего с Лючаной оперативного участия, там вроде бы никогда не совершалось.

– Не приходилось еще.

– Ну вот, теперь как раз удобный случай соединить приятное с полезным.

– Полезное, как я понимаю, поправка здоровья. А что – приятное?

– Нет. Приятное как раз – ваша реабилитация. А полезное – ну, хотя бы устранение еще одного белого пятна в твоём знании миров Федерации. Будь у меня сейчас лишнее время, порекламировал бы это местечко. Но ты и сам найдешь необходимое в справочниках...

– Никакой хитрости?

– Никто не вынуждает тебя согласиться, Ра. Я просто предложил вариант, который вроде бы должен вас устроить. Ты не согласен – ладно, ищи сам.

Это была явная подначка. Но я, похоже, действительно еще не прогнал ту усталость, которая жила во мне после Улара.

– Если Лючана согласится... – сказал я.

– А это уж как ты ей преподнесешь. В общем, так: сейчас иди к ней, обсудите обстоятельно, а завтра сообщишь мне результат.

– Забота о кадрах – долг любого руководителя, – глубоко-мысленно изрек я.

– Вы оба не мои кадры, брось. Но на дружеский поступок я имею право?

Мне хотелось поверить в это целиком и полностью. Хотя человеку Службы никогда не следует доверять безоговорочно. Мне, кстати, тоже.

– А что – там действительно курортные условия?

– Лучше не бывает. Да вот, глянь на карту.

Он вывел изображение на экран.

– Видишь, какая благодать? Вот тебе океан, а вот и суша, в экваториальной области средняя температура двадцать пять – тридцать по Цельсию, воздух и прочие физические условия схожи с нашими, так что – никакой адаптации. А главное – планета практически не заселена. Чего еще можно желать?

– Хочешь сказать, что там вообще нет людей?

– Ну, не могу гарантировать, что ни одного: могут быть анахореты вроде вас, нам о таких не докладывают. Но постоянного населения еще нет. Пока, во всяком случае.

Идея мне понравилась. Но я постарался вести себя как можно более сдержанно – чтобы Иванос не переоценивал свою услугу.

– Ну что же – недурственно. Но не знаю, что скажет Лючана. Сбрось мне эту карту, пожалуйста, чтобы было что ей показать.

– Увы, – сказал Иванос, слегка разведя руки и тем обозначая свое бессилие. – Ведомственный документ и засекреченный. Потому что съемка карты, откровенно говоря, производилась неофициально – без ведома Совета Миров. Снималось не с птичьего полета, а с очень удаленной орбиты – на пределе возможного. Туда еще не добрались федеральные картографы. Сам знаешь, чем дальше космотория от центра, тем меньше ею интересуются власти. Так что не обессудь, карту дать не могу.

– Ну что же, на нет и суда нет, – откликнулся я, заканчивая наш разговор. Поскольку о карте просил только для формы: она уже надежно оттиснулась в памяти моего мика. Да Иванос и сам прекрасно понимал, что так и будет.

– Я готова! – Такими словами встретила меня Лючана, едва я появился на пороге. – Твое тоже уложила, не знала только, какую бритву ты захочешь взять. Вообще, у тебя их слишком много. Когда выезжаем? Обедать будем дома или уже там?

Я обнял ее и поцеловал – кроме прочего, еще и потому, что она в какой-то мере успела совладать с собой и выглядела сейчас почти нормальной – активной и даже веселой.

– А вот мы сейчас и решим, где и когда.

Она склонила голову к плечу, что должно было означать удивление.

– Разве мы еще не решили?

– Если бы решали мы одни...

– Не говори загадками!

Я доложил ей обстановку. И поспешил утешить:

– Только не огорчайся: Иванос предложил другой вариант. По-моему, даже лучше нашего.

– Знаю, – она махнула рукой. – Он и правда проявил заботу: я уже получила и приглашение, и все прочее. Только мне не кажется, что это хороший выход: об этих местах мне приходилось слышать, и говорят, что там тесно и климат не совсем тот, что мы хотим.

– Постой, постой, – насторожился я. – Какое приглаше-

ние? Иванос ждет нашего согласия – или отказа. И вряд ли он мог прислать...

– Однако именно это он сделал.

– Уже интересно. Покажи. В каком виде ты это получила?

– В нормальном – по сети. Пожалуйста, вот все.

Она загрузила полученное на дисплей. Я взглянул.

– Нет, Люча. Это совсем не то. Во всяком случае, отправитель не Иванос. Кто-то другой.

– Ты уверен? Кому еще пришло бы в голову заботиться о нас таким образом? И почему ты так уверен?

– Кто – это стоит выяснить. Почему уверен? Вот время отправки: четырнадцать ноль восемь. Так вот, в это время мы разговаривали с ним, и ручаюсь – он при этом ничего не отправлял и не давал поручений другим. Никаких и никому. Убеждает?

– Проверь адрес отправителя.

– Именно это я и... Вот нечистая сила!

– В чем дело?

– В адресе. Его просто нет.

– Но он же должен быть!

– Как говорится, должен, но не обязан. Похоже, что отправитель позаботился о том, чтобы не оставить следов. Занятно. Ну-с, а конкретно что нам предложили? – Я внимательно прочитал текст. – Ага. Совет Ветеранов Службы предлагает месячное пребывание в Садах реабилитации в южном полушарии Серпы. Море, пляж, реликтовый лес, чистый воздух,

натуральное питание на научной основе – и, плюс ко всем благам, избранное общество. Все – за счет Фонда Ветеранов. Мы с тобой, похоже, истосковались по избранному обществу? Интересно, что они понимают под этим определением? Отставников, забивающих «козла» от подъема до отбоя?

– Фу, – сказала она, – какого ты низкого мнения о них. Никакого «козла». Только пулька. С «бомбой», обязательно темной и всем прочим. По галлару за вист.

– Мы в восторге, не так ли?

Лючана выразилась как ветеран десанта, что вообще-то не входило в ее репертуар.

– Поддерживаю, – согласился я. – Думается мне, что в этих Садах кто-то разложил немалое количество бесплатно-го сыра. Ладно, теперь давай обратимся к тому, чем хочет прельстить нас генерал. Кстати, этот вариант с Серпой в нашем разговоре даже не всплывал. Однако вряд ли тут случайное совпадение. Каким-то способом некто узнал о нашем желании провести какое-то время вне Теллуса и предложил свои услуги. И не с целью заработать, но с какой-то другой. Утечка от Иваноса? Не верится. Отсюда? Тоже маловероятно. Хотя... проверка не повредит, как ты думаешь?

Получив ее согласие в виде кивка, я обратился к «Вратарю»:

– Проведи ревизию всех файлов. Не только названия, но и содержания. Это может быть вирус, замаскированный под

программный файл или в этом роде. Полная проверка. И сразу доложишь. Выполняй.

«Выполняю, хозяин».

– Что же нам сулит Иванос? – спросила Лючана, и в голосе ее прозвучало нетерпение. Я чувствовал, что чем дальше, тем больше готова она оказаться где угодно, в любом другом месте, кроме собственного жилья, потому что именно к нему приводили все донимавшие ее сейчас воспоминания.

– Тебе такое название – Ардиг – говорит что-нибудь?

Она помолчала, стараясь вспомнить.

– Ни малейших ассоциаций. По-моему, я никогда даже не слышала о нем. Это что – мир?

– Из самых отдаленных и непопулярных – во всяком случае, не модный курорт, где стремится отметиться каждый, считающий себя светским человеком.

– Так, может быть, там ничего и...

– Судя по карте – генерал позволил заглянуть, – там вообще не плохо. А вообще, поищем еще какую-нибудь информацию. «Вратарь», как дела у тебя?

«Идет проверка, хозяин. Пока ничего лишнего».

– Вытащи параллельно Федеральную Энциклопедию, все на букву А.

«Выполняю».

– Ну вот, давай познакомимся, – пригласил я Лючану через несколько секунд. – Арда... Арде... Ага, попался. Вот он, Ардиг. Черт, да здесь почти ничего...

И в самом деле, имевшаяся в энциклопедии информация словно перекликалась с древним ресторанным анекдотом: «Чем это вы тут кормите? Во-первых, дерьмо, а во-вторых, мало!»

Нет, все необходимые физические характеристики были налицо: радиус, масса, гравитационная постоянная, состав атмосферы, средняя температура, годовая норма осадков, радиация светила, расстояние от него, наличие естественных спутников (два), количество ясных дней, осадки, дифференцировано по климатическим поясам; продолжительность года и суток... И все это, в общем, было вполне приемлемо и даже более – привлекательно, поскольку не сулило теллурианину никаких осложнений при адаптации, как и говорил Иванос.

Однако на этом членораздельные сведения и заканчивались, дальше шли какие-то загадки.

Население мира: «Постоянное население отсутствует». Иными словами, мир необитаем! А почему? На планете, параметры которой сопоставимы с теллурианскими, а условия жизни куда лучше? По меньшей мере, странно.

Дальше еще интереснее. «Экономика: производство сельскохозяйственных удобрений, поставка их на...», дальше – перечень названий. Выходит, населения нет, а удобрения производятся. Автоматические заводы или что? Ага, вот: «Производство обслуживается периодически сменяющимися вахтами».

– Как это тебе, Люча?

Она пожала плечами:

– Значит, во всяком случае, не придется толкаться в толпе.

Ну что же, кто-то живой там все-таки есть – по крайней мере, помогут чем-нибудь при надобности. Может быть, не так уж и плохо для нас, одиночек.

– Без горячей воды, – проговорила Лючана недовольно. – При свечном, скорее всего, освещении. И, чего доброго, без канализации?

– Зато представь себе: мир без телевидения, телефонов, сетей, может быть, даже без газет. Без скользунов и колясок! Господи, какая благодать!

– Тебе виднее, – согласилась она не очень решительно.

Дальше. Совокупный планетарный продукт – удобрения. В галларах: сведения позапрошлого года. Не очень, прямо скажем. Хотя – нам-то что? Это их проблемы.

Иммиграция за последнее десятилетие: сведений нет.

Эмиграция за тот же период: сведений нет.

А вот совсем уже интересно.

Флора планеты: проверенных сведений нет.

Фауна: достоверных данных не имеется.

И наконец.

Средства сообщения: ВВ – не используется.

Регулярные рейсы кораблей – не совершаются.

Чартерные полеты: вывоз удобрений танкерами получателе-

лей.

– Ты что-нибудь поняла? – спросил я Лючану, когда энциклопедия была исчерпана.

– Конечно! – ответила она неожиданно бодро.

– Интересно. Что же именно?

– Я хочу туда!

– Ты серьезно?

– Абсолютно! Ты пойми: это что-то совершенно новое! И никаким боком не связано ни с чем из нашего прошлого! О таком можно только мечтать!

– Ну, если ты решила твердо...

– Как алмаз.

– Будь по-твоему. Тогда я сообщаю Иваносу о нашем согласии. Только не представляю, как мы туда попадем – без ВВ и регулярных рейсов. Или тебе и это уже стало ясным?

– Безусловно. Иванос предложил – значит, он и обеспечит. Или он, по-твоему, болтун?

Нет, этого я не смог бы сказать о генерале даже в те минуты, когда готов был повесить на него всех собак, какие только существовали в Галактике.

«Хозяин! Задача выполнена. Проверка завершена».

– Что обнаружено?

«Никаких посторонних программ».

Еще одна загадка. Не слишком ли много? Хотя Люча, наверное, права: загадки и придают жизни необходимую остроту, без которой она – и не жизнь вовсе, а так. Морковный

кофе, как сказал поэт в давние времена.

«Имеется неучтенная линия внешней односторонней связи».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

– Отключи немедленно. Хотя – нет, лучше поставь на трансляцию какого-нибудь канала – рекламного.

«Выполнено».

Так. Ясно. Кто и когда всадил? Ну, понятно: когда делали тут ремонт. Для начала вовсе неплохо. И, надо полагать, продолжение последует?

– Удираем, Люча. Ардиг – так Ардиг. Лишь бы подальше.

6

На этот раз дозвониться до Иваноса удалось только после многих безуспешных попыток: всякий раз его кибер равнодушно объявлял: «Канал занят», «Канал занят». Наконец это мне надоело, и я прибегнул к запрещенному приему: сделал вызов под грифом «Анни». То есть «Аннигиляция» – сигнал смертельной опасности, все летит вверх тормашками. Сработало, и я услышал тревожное: «Иванос. Докладывайте!» «Сейчас он меня убьет», – подумал я, вслух произнося самым безмятежным тоном, на какой только был способен:

– Привет, генерал, здесь Разитель. Докладываю: мы согласны. Ждем указаний.

Он, кажется, в первый миг даже не сообразил, о чем идет речь.

– Разитель? Каких указаний? В чем дело, сукин ты сын? Какого черта...

Разумнее всего было бы тут же дать отбой. Но я решил, что имею все основания обидеться.

– Я лишь выполняю твое распоряжение. Ты же сам сказал два часа тому назад...

Но он, похоже, уже вспомнил – сам или автоматика напомнила.

– А, ты вот о чем. Извини, немного закрутился. Так что там у вас?

– Мы согласны на Ардиг. Только не очень представляем, как туда попасть.

– Ну да, ну да. Не думал, откровенно говоря, что это вас устроит.

Видно, он уже успел с головой уйти в какое-то серьезное дело. В Службе такое не в диковинку: случается что-то неожиданное и важное, и все, менее значительное, вылетает из головы.

– Так что мы готовы последовать твоему совету – объясни только, как туда добраться. Судя по имеющейся информации, это – проблема: ни ВВ, ни рейсов. Я понимаю, что у тебя там что-то горит и мы оказались не ко времени, но тем не менее...

– Не вовремя, – проворчал он. Однако ему и самому было известно, что на уровне наших с ним отношений никак нельзя отступать от сказанного: это может, самое малое, очень неприятно отозваться в будущем, недаром говорится: не плюй в колодец. И он тут же продолжил: – Хорошо. С доставкой проблем не будет: туда как раз отправляется один наш кораблик по делам, я, собственно, этот вариант и имел в виду, когда предложил тебе. Раз уж вы настроились, то собирайте манатки.

– Уже собрали. Скажи только, куда ехать.

– Сделаем так: я подошлю скользун – из наших, с кем-нибудь из моих помощников, – и они вас доставят на борт и аккредитуют. Все, отбой. Счастливого пути, семейство.

– Спасибо, – сказал я уже в пустоту. Отключился. – Люча! – позвал. – На выход. «Вратарь»! Закрываю территорию, защита по полной программе, информировать будешь по моему запросу, постоянно отслеживай нас, предполагаемое местонахождение – мир Ардиг, проверь, как там у тебя с ним?

«Вратарь» взял довольно продолжительную паузу, и это свидетельствовало о том, что нашарить в мироздании Ардиг оказалось для него не так уж просто. В конце концов, когда я уже собрался ускорить его процессы, он доложил:

«Ардиг найден. Связь возможна, хотя не вполне устойчивая. Сейчас там не работает ни один источник сигналов на стандартных частотах. Поэтому мой вывод является предварительным».

– И на том спасибо, – сказал я ему, хотя понимал, что для него имеет значение лишь последнее слово, означающее одобрение его действий. Все-таки не человеческий разум это был, ничего не поделаешь. И чтобы он не успокаивался чрезмерно, я добавил: – Проводи систематический поиск в областях нестандартных частот. Ищи нас там, если связь на стандартных не будет устанавливаться.

«Понял, хозяин», – откликнулся он.

– Все. Я отключаюсь. Ожидай следующего вызова.

По моим расчетам, скользун от Иваноса должен был ожидать внизу: машины Службы всегда пользуются правом преимущественного проезда, им автоматически открывается зеленая улица.

Я вышел в прихожую. Лючана была уже там. Багажа у нас оказалось не то чтобы совсем мало, но и немного, а именно – столько, сколько в случае необходимости можно унести на себе; это давно стало рефлексом: перед тем как войти куда угодно, прикидываешь, а как будешь оттуда выбираться. Лючана знала это не хуже меня самого. Я все же просканировал взглядом подготовленное для отъезда. Два чемодана среднего размера, два рюкзака. Приемлемо. С таким грузом можно некоторое время продвигаться даже и бегом. Я надеялся, конечно, что до этого не дойдет: мы как-никак собрались отправиться не в гущу событий, а наоборот – подальше от них, туда, где, похоже, никогда и ничего не происходит. То, что нам нужно. И все же...

Все же какое-то ощущение неудовлетворенности, недоделанности возникло у меня – я не сразу сообразил, отчего. Словно бы мы о чем-то не подумали, не учли, запомнили...

– Люча! А мы ничего не забыли?

Она высоко подняла брови:

– Думаю, что нет.

– Я вот тоже не могу сообразить, однако же чувство такое, словно... Ага! Понял!

– Хочешь сказать, что я чего-то не учла?

– Не вижу наших оперкейсов.

– Здравствуйте! Разве мы не решили, что они нам не...

– Решили, решили. Но все же у меня без кейса состояние

какое-то такое... как будто я забыл надеть брюки, вот какое. Может, прихватим с собой на всякий случай?

И, не дожидаясь ответа, я распахнул дверцы стенового шкафа, где хранились оперкейсы. Вернее, должны были храниться. Потому что их там не оказалось.

– Люча...

– Не волнуйся, штаны на тебе, и все остальное тоже в норме.

– Где же кейсы?

– В больших чемоданах. Там было достаточно места, и я подумала: ни к чему им бросаться в глаза всем и каждому.

– Значит, ты сама решила все-таки взять их?

– У меня тоже возникло ощущение, что без них я голая. Смешно, да?

– Никоим образом. Ты молодец.

– Ты только сейчас это понял?

– Понял давно – еще когда только собирался сделать тебе предложение. Помнишь, как и когда это случилось?

– Думаешь, женщина способна забыть такое? Мне тогда впервые пришлось страховать тебя в операции на...

– Тсс! Эта история и до сих пор не рассекречена.

– Ты маньяк секретности. Тут нас не подслушивают.

– Как знать? Кто-то все-таки пронюхал, что мы собираемся слинять с Теллуса.

– Наверное, ты прав. Умолкаю. Пошли?

– Пора. Там нас уже, наверное, заждались.

Закрытый скользун с поляризованными стеклами, без всяких эмблем, но с номером Службы и в самом деле ждал у подъезда, ухитрившись припарковаться между двумя тяжелыми колесниками, принадлежавшими, как я знал, жильцам нашего дома – со второго и верхнего этажей, верхняя квартира как раз над нами, и именно через нее мне пришлось в свое время выбираться на крышу, воспользовавшись реконструированным мусоропроводом. Я ожидал, что водитель выйдет навстречу, чтобы помочь разместить наш багаж, однако этого не произошло. Возможно, потому, что скользун втиснулся так, что пространства по бокам, чтобы поднять дверцы, вовсе не оставалось ни справа, ни слева. Придется, видно, самим выходить из положения – а вернее, войти в него.

– Секунду, Люча...

Я открыл пятую, заднюю, дверцу – она не была заперта. И убедился, что водителя на месте не было. Да нет, скорее всего, его вообще не было: это был скользун на киберпилоте, какими Служба пользовалась довольно часто. Ну что же, так даже спокойнее – до сих пор не было известно ни одного дорожно-транспортного происшествия, случившегося по вине кваркотроники.

– Забирайся, я подам чемоданы.

Разместились быстро. Я изнутри захлопнул дверцу, пробрался вперед, занял, как и полагалось, водительское кресло – хотя при автопилоте там может не быть вообще никого. Просто сработала привычка. Посмотрел на Лючану:

– В путь?

– С богом, – сказала она как обычно, когда мы отправлялись куда-то вместе. Не так уж много было в нашей жизни таких случаев. Тем приятнее было мне сейчас.

Единственное, что мне сейчас оставалось сделать, это нажать клавишу «Старт». Что я и сделал. Нужный маршрут был заложен в памяти автопилота. И можно было расслабиться хотя бы на несколько минут – в предвкушении того большого расслабления, какое ожидало нас на Ардиге.

Должно было ожидать, во всяком случае.

Пилот уже набрал скорость, когда я автоматически, боковым зрением отметил еще один скользун Службы, промелькнувший нам навстречу. «Да, – подумал я лениво, – что-то действительно заботит Службу, лихо раскатались они сегодня по городу. Но это не наше дело. Никак не наше».

Я чувствовал себя как-то необычно. Весело и расслабленно. Давно уже, очень давно не было у меня такого настроения. Источник его был ясен: впервые за уж не знаю сколько лет я покидал свой мир не ради выполнения какого-то задания, а по своей воле, и не из-за ссоры с Лючаной, а напротив – в полном согласии с нею и даже больше: вместе с нею. Вот она безмятежно сидит рядом, глядит вперед, полужакрыв глаза. Неплохо начинается отдых, моя хорошая... Я закрыл глаза, пытаясь представить себе то, что ожидало нас в самом скором будущем: теплое море, тончайший песок, мягкие солнечные лучи – благодать.

– Слушай, Ра...

В голосе Лючаны прозвучала, как мне почудилось, нотка тревожного недоумения.

– Я здесь, милая. Никуда не девался и не денусь.

– Проснись. Открой глаза.

Я повиновался.

– Уже смотрю в оба. Что тебя заботит?

– По-моему, мы едем куда-то не туда. До Иваноса рукой подать, а нас увезли уже достаточно далеко. Не понимаю...

Пришлось напрячься, чтобы от мечтаний о будущем вернуться к восприятию окружающей обстановки.

И в самом деле – скользун уносил нас вовсе не в направлении Службы. А куда? Сейчас выясним и внесем коррективы.

Протянув руку, я вывел на дисплей автопилота план города – той его части, где сейчас находились мы, светившиеся на экране в виде красной, медленно перемещавшейся точки.

– Ага, вот они мы. Проверим...

Я перевел взгляд на то, что мелькало за окошками скользуна. Прочешь название улицы, по которой нас везли, не удалось – мы скользили по скоростной, крайней левой полосе, и линию домов заслоняла в этот миг тяжелая грузовая коляска-фургон о шести осях. Зато впереди над проезжей частью нависал указатель, не прочешь который было просто невоз-

можно.

– Похоже, нас решили доставить напрямик в космопорт.

– Это что-то новое, – нахмурилась она. Я поспешил успокоить:

– Иванос проявляет заботу и выполняет обещание: он ведь взялся нас туда препроводить – и, похоже, успел организовать. Ладно, поблагодарим, когда вернемся.

– Ты уверен, что это так?

– Проконтролируем, если хочешь.

Я нажал клавишу диалога с пилотом:

– Назови конечный пункт поездки.

Неживой голос ответил:

– Космовокзал дальних рейсов. Шестнадцатый портал.

– Ну а там что? – не унималась Лючана. – Он нас высадит, а у нас ни малейшего представления, куда идти, что делать...

– Надо полагать, нас встретят и проводят. Иванос обещал. Ты ведь знаешь: если он что-то делает, то учитывает все детали. Да в Службе и нельзя иначе.

– М-да, конечно, – согласилась она. Однако (подумалось мне) без должной уверенности. Такой, какую испытывал я.

Но получалось вроде бы по-моему. Во всяком случае, когда пилот затормозил, лег на грунт у шестнадцатого портала и услужливо распахнул дверцы, к машине сразу же подошло двое молодых людей – в цивильном, разумеется.

– Вы едва не опоздали, – упрекнул один из них. – Посадка на челнок уже идет. До старта четверть часа. Позвольте ваш

багаж. Нужно торопиться.

– Вы уверены, что ждали именно нас? Кто вас прислал?

– Служба.

Ага, значит, все-таки я прав.

– Генерал Иванос?

– Видите, вы сами знаете – кто.

– Но у нас нет ничего – никаких документов на проезд, мы даже не знаем...

Говорить это приходилось в затылок парню – он, держа в каждой руке по чемодану, продвигался, пересекая зал, весьма прытко. Его коллега, отягощенный обоими рюкзаками, составлял арьергард, мы с Лючаной держались в середине процессии.

– Все у меня. Передам вам, пока багаж будет проходить досмотр.

Стойка была уже перед нами. Встречавший опустил чемоданы на ленту контролера и облегченно перевел дыхание, стараясь, чтобы это получилось не очень заметно. Из внутреннего кармана своей куртки извлек два продолговатых конверта, положил на стойку перед проверявшим.

И одновременно Лючана большим пальцем руки ткнула меня в бок. Как бы невзначай. Я не сказал ни слова. Но внутренне сразу же привел себя в состояние собранности. Боевой готовности.

Потому что такой двойной тычок был одним из вариантов сигнала тревоги. И, еще не поняв опасности, я уже был

уверен в том, что она реальна: Лючана никогда не объявляет тревоги попусту. В этом я ей доверяю целиком и полностью.

Я повернул голову к ней. Поднял брови. Она взглядом указала наверх – туда, где над стойкой на табло светилась надпись:

«Рейс 16–48. „Чемпион Эры“. Старт 18.10».

Только тут я понял.

Рейс. А на Ардиг рейсовые корабли не ходят.

– Все в порядке, – сказал контролер. – Можете идти на посадку.

– Спасибо, – проронил я. – А не скажете, когда мы прибудем на место?

– На Серпу? Ну, если...

Он не договорил, да в этом и не было нужды. Я перебил его единственным словом:

– Сразу!

Встречавший, тот, что нес чемоданы, стоял справа от меня. Так что вырубать его пришлось левой рукой, но надеюсь, что он этого даже не заметил. Во всяком случае, не успел взять защиту: скорее всего, расслабился раньше времени. Второй встречавший, что стоял позади, оказался на полу за мгновение до моего: Лючана успела занять позицию выгоднее и смогла работать обеими руками.

– Уходим! – скомандовал я.

– Ну уж нет! – ответила она. – Я не стану бросать наши вещи. Инспектор, мы отказываемся от посадки и забираем

багаж!

Но у инспектора были свои представления о том, что нам сейчас полагалось делать. Он успел нажать кнопку тревоги, и полицейские уже бежали сюда с трех сторон. Вступать с ними в схватку я не собирался. Но полицейских опередил вокзальный врач. Его, правда, занимали не мы, а оба распростертых на полу субъекта. Он склонился сперва над тем, что оказался на его пути первым, – над парнем, которого сработала Лючана. Нашел пульс, заглянул, подняв веко, в зрачок.

– Ты не пересолила? – спросил я жену, стараясь выглядеть совершенно спокойным.

– Ровно столько, сколько нужно, – ответила она. – Оказывается, еще не разучилась. Хотя имелись сомнения.

– Ты молодец, – снова не удержался я от похвалы.

Врач, прежде чем перейти ко второму, взглянул на Лючану и покачал головой:

– У вас тяжелая рука, мадам. Не хотел бы я быть вашим мужем.

– А кто вам позволил бы? – поинтересовался я.

Он не ответил и принялся разбираться с моим клиентом. Тем временем полицейская рука, тоже нелегкая, опустилась на мое плечо:

– Я арестую вас за нанесение побоев...

Я не дал ему закончить:

– Я повинуюсь. Но требую, чтобы оба потерпевших были также задержаны для выяснения их личностей. Они...

В свою очередь он перебил меня:

– Сам знаю, как мне действовать, – огрызнулся он. – А если вы намерены сопротивляться власти...

– Нимало. Но если вы позволите им ускользнуть...

– ...то уж мы не позволим.

Эти слова принадлежали уже не полицейскому, а одному из двух мужчин, подошедших к нам последними. Того из них, что был постарше, я узнал, и он меня тоже: пересекались в свое время. Я подмигнул ему, он – мне.

– Прошу не вмешиваться в действия власти! – предупредил его блюститель порядка.

– Служба! – услышал он в ответ и увидел хорошо известный значок. – Благодарю, капрал, дальше этим делом займемся мы. Вы свободны. Приятно видеть, что полиция реагирует столь быстро и решительно. Думаю, благодарность вашего начальства не задержится.

Полицейские почли за благо считать инцидент исчерпанным и разошлись, каждый в своем направлении. Мой клиент зашевелился, приходя в себя. Офицер Службы спросил своего напарника:

– Ты вызвал наш патруль?

– Они на подходе.

– Вы вовремя оказались здесь, ветеран, – сказал я ему. – Спасибо.

Он покачал головой:

– Напротив, полковник, опоздали. Подъехали к вашему

дому, когда вас уже увезли. Правда, мы быстро сориентировались: машину эту засекли еще на подходе к дому, остальное вы уже поняли. Где ваш багаж? Ага. Берем. Идемте.

– Далеко ли? – спросил я на всякий случай.

– Ну... Вам лететь не отсюда, а со старта «Норд». Там ждет кораблик. Милая такая яхточка, называется «Триолет». Она вас доставит – генерал сказал, что вы знаете, куда и зачем.

Старт «Норд»? Милая яхточка в закрытом порту для военных и служебных кораблей. Кстати, и правительственных тоже. Высший уровень надежности.

– Видишь, – сказал я Лючане, – я же говорил, что генерал всегда продумывает все до деталей.

Она лишь покачала головой – что, скорее всего, означало неуверенность в том, что все уже обошлось.

– Странный, однако, кораблик, – заметил я, когда мы подошли к предназначенному нам транспортному средству. – Я-то думал, что знаком со всеми типами космической техники. С яхтами, во всяком случае. А тут что-то такое... Не очень, откровенно говоря, понятное.

И в самом деле, таких мне видеть еще не приходилось. Для прогулочника слишком, так сказать, поджарая – впрочем, до мини-крейсера не дотягивает, да и без видимых признаков вооружения. Хотя множество каких-то выступов, выростов непонятого назначения. Странная, как бы играющая окраска: зеленая? Нет, желтизна какая-то... Да нет же, скорее цвета морской волны? Отстал, отстал я от современности – в тех мирах, где я обитал последние месяцы, такими кораблями и не пахло. Ну что же, тем интереснее будет лететь.

– Что-то новое, – сказал я нашему провожающему. – Но, в принципе, может сойти и за яхту, и – для сведущего – за дальний разведчик. Всестихийный – так это, кажется, именуют? «Триолет» – ничего общего с поэзией, а просто работающий в трех средах, скорее всего так. Кваркотроники больше, чем людей. Верно?

– Почти угадали, – ответил подчиненный Иваноса. Похоже, знание моего славного прошлого позволяло ему быть откровенным – в установленных пределах, разумеется. – Но

вы еще успеете во всем разобраться. А вообще-то эта модель не рекламируется. Используем для нестандартных случаев. Как, например, этот. Высочайшая надежность и адаптивность к любой обстановке. Класс!

Я подумал, что, наверное, мы с Лючаной и в самом деле теперь котируемся у Иваноса весьма высоко! Надо будет отблагодарить его как следует – когда вернемся, конечно. Хотя... вряд ли машину отправляют только ради нас.

– Много чести для нас. А кто еще летит? – задал я вопрос вскользь, словно из одной только вежливости, как если бы на самом деле это меня вовсе не интересовало.

– Вы – единственные пассажиры.

Вот как. Что значит – успешно провести операцию. Хотя, надо признать, она не всякому оказалась бы по зубам. Молодцы, мол, вы, Ра с Лючаной! Только не очень задавайтесь или хотя бы внешне не показывайте...

Но тут же у меня возникло и сомнение: если мы – такие уж важные персоны...

– Капитан, наверное, очень занят? – спросил я тоном, ясно показывающим, что я несколько уязвлен подобным невниманием: раз уж мы – единственные и столь важные пассажиры, то вправе рассчитывать на точное соблюдение протокола. – Хотелось бы познакомиться.

– Непременно, – заверил сопровождающий, а второй только улыбнулся – впрочем, не насмешливо, а как бы зная, что нам приготовлен приятный сюрприз.

– Ну что же, – я слегка пожал плечами. – Пора садиться, я думаю.

– Никаких препятствий, – согласился наш проводник. – Разрешите я пройду первым.

– Пожалуйста. Только...

Я хотел было спросить, как же он думает войти, если люк, перед которым мы стояли, до сих пор остается наглухо закрытым. Но не успел, потому что крышка тут же стала откидываться вниз, внутренней своей стороной образуя трап. Конструкция, пришедшая из давних-давних времен.

Мы поднялись. Я ожидал, что капитан встретит нас самое позднее сразу же за входным тамбуром, однако и там не оказалось ни его, ни хоть кого-нибудь из экипажа.

– Хотелось бы все-таки увидеть капитана, – проворчал я, следуя за провожатым. – А может быть, это вы и есть? У вас какой уровень секретности?

– Капитан в рубке. Нет, не подозревайте меня в таких вещах: я к флоту имею очень отдаленное отношение. Смотрите внимательно. Здесь – каюты. Одна двухместная и три одноместных, пользоваться можете по вашему усмотрению – любыми. Осмотрите сразу?

– Люча, может быть, ты устала? Не стоит ли прилечь?

Она покачала головой:

– Хочется поскорее увидеть капитана Немо – уж очень я заинтригована таинственностью. Ведите сразу в рубку.

И добавила очень тихо, уже только для меня:

– Он, по-моему, плохо воспитан.

– Похоже на то, – согласился я. Капитан чем дальше, тем меньше мне нравился, хотя неприязнь эта пока была лишь заочной.

Войдя в рубку, я окинул ее сперва беглым взглядом, затем – куда более внимательно. Перевел глаза на нашу свиту:

– Знаете, – сказал я, нахмурясь, – если нас привезли сюда, чтобы разыграть какую-то шутку, то напрасно: не на тех напали. Если только капитан не прячется где-то под столом или, чего доброго, в туалете, то его на борту вообще нет. А если так, то мы поищем другой способ добраться до цели.

– Смахивает на плохую комедию, – добавила Лючана, и по ее голосу я понял, что она уже где-то на грани взрыва. Наши спутники и не представляли, в какой опасности сейчас оказались. – И если вы немедленно не объясните нам смысл этого балагана...

Но тут наш провожающий поднял руку, как бы требуя тишины.

– Нет поводов для волнения, коллеги, – проговорил он спокойно. – Разве что некоторые детали вам еще не стали ясными, но с этим мы справимся за минуту, не более. Вы хотите видеть живого капитана? Но это ведь «Триолет»! Я полагал, вы в курсе: в этой серии экипаж виртуален. Капитан? Вот он, перед вами.

И он указал на большой ходовой экран в центре пульта, сейчас выключенный и темный, на сам пульт, разделенный

на три сектора, не очень похожие друг на друга, на большие и маленькие табло. И с очень небольшой клавиатурой для ручного управления.

– Вы хотите сказать, что эта машина – полный автомат? Но это же не такси!

– Полный. Как и все корабли этого поколения. Абсолютно надежен. Великолепно знает трассу: он уже бывал в той космотории. Общение – голосом и через клавиатуру. Впрочем, полный инструктаж вы сейчас получите – это займет четверть часа, запись на ваши мики. Но заранее скажу: вмешиваться в выполнение вирт-капитаном программы не рекомендуется. Да вы ведь не на задание летите...

– Уйдем отсюда, Ра, – проговорила Лючана решительно. – Доберемся до генерала и откровенно выскажем ему все, что мы об этой идиотской шутке думаем. «Заботится о нас!» – передразнила она меня. – Как же!

И она шагнула к выходу, где в дверях возвышался второй провожающий – здоровяк.

– Пропустите, вы! Я и не с такими справлялась!

Тот, однако, не шелохнулся. А первый сказал:

– Идея отправить вас на этом корабле принадлежит генералу Иваносу. Не знаю, что вы собираетесь предпринять, если откажетесь от этого варианта, однако генерал просил напомнить, что оставаться на Теллусе вам никак не рекомендуется: по самым последним сведениям, на вас начата серьезная охота, организованная, скорее всего, теми, кто хочет

воздать вам должное за провал планов «Уракара» и «Улар». Вы и сами только что могли убедиться в том, что спокойной жизни здесь для вас не предвидится, а мы, вследствие возникшей обстановки, не можем заниматься вашей защитой, если бы даже это входило в планы Службы. Этот корабль и с ним возможность оказаться в безопасной части пространства предоставлен вам исключительно в порядке личной услуги, а никак не потому, что Служба берет на себя какие-то обязательства относительно вашей сохранности.

Пришлось задуматься. Что на нас открыта охота – в это я поверил еще раньше, слушая Иваноса. Конечно, мы с Лючаной не ученики приготовительного класса, однако если основным содержанием нашей жизни на неопределенное время станет игра в прятки с неизвестным количеством оппонентов, то назвать это отдыхом ни у кого не повернется язык.

– Люча, ты еще не высказала своего окончательного мнения.

Вместо ответа моя жена спросила:

– Что тут надо нажать, чтобы мы наконец полетели?

– Сесть. Получить инструктаж. Надеть вот эти браслеты. Включить страховку. И сказать – это может сделать любой из вас, корабль успел уже настроиться на ваши голоса и на все остальное, – сказать: «Триолет», мы готовы».

– Тогда уходите. Прочь с корабля. Быстро! Триолет, или как там тебя, мы готовы!

Глава вторая

1

Первая срочность, строго конфиденциально. Командиру сектора безопасности «Системы». Докладываю, что установленный над группой «Двойка червей» контроль утрачен вследствие вмешательства сил Службы. «Двойка» вышла из-под наблюдения, ее местонахождение в настоящее время неизвестно. Принимаем срочные меры к восстановлению контроля и возможной изоляции поднадзорных. Остальные объекты внимания по-прежнему контролируются и находятся на обычных местах. Что касается «Двойки», то не исключено, что она покинула планету, но не одним из обычных рейсов; возможно, убыла по ВВ в пока не установленном направлении. О ходе поисков буду информировать по мере получения результатов. Возможно, сочтете нужным прислать людей, учитывая, что двое наших вышли из игры, и мы принимаем меры к их нейтрализации. Дальнейшая связь обычным порядком. Корень квадратный».

2

В корабле мы зажили, что называется, на широкую ногу: освоили сразу три каюты – пользовались двухместной, гостевой, когда было такое настроение, а когда хотелось побыть в одиночестве – расходились по отдельным. Как-то вдруг мы поняли, что, по сути дела, никогда еще не отдыхали так – вдвоем, не опасаясь, что кто-нибудь увидит, услышит, помешает, отнимет время, испортит настроение; никогда еще не говорили столько о жизни, о нас самих, о своем прошлом, настоящем и будущем; это стало как бы вторым нашим знакомством – это после стольких-то лет семейной жизни! Оказалось, что все минувшие годы, если не считать самого первого периода, мы говорили только о делах, потому, наверное, что их всегда хватало, хотели мы того или нет.

А ощущение, что впереди у нас – немереное время и что такой образ жизни мы сможем вести столько, сколько захотим, и к тому же в еще более привлекательной обстановке (потому что на корабле, при всех его удобствах, все же не было ни океана, ни пляжей, ни лесов – ну, словом, всего того, что в целом называется природой, естественной средой обитания), сохраняя все нынешние преимущества: отсутствие соседей в первую очередь, а также полную безмятежность своего существования, – ощущение это делало каждую минуту нашего бытия еще более приятной.

С каждым днем и часом (а их было не так уж мало, потому что разгонялись мы с минимальным ускорением, спешить не хотелось) мы все больше доверяли нашему обиталищу со всеми его системами и, совершенно обнаглев и распутившись (как сказал бы любой нормальный служака), лишь время от времени заглядывали в рубку – знали, что в случае необходимости «Триолет» нас вызовет, а контроль полета по приборам был возможен, благодаря репитерам, из любого корабельного закоулка.

Сначала я ждал было каких-то неожиданностей, потом перестал, поскольку и разгон, и вход в сопространство прошли без сучка без задоринки. И, сознавая, что всякое благо приходится в конце концов искупать, когда начинается полоса неприятностей, я поверил в то, что к этой полосе мы приблизимся лишь после того, как хорошо отдохнем, полностью восстановимся и таким образом окажемся готовыми к борьбе с невзгодами. Это, полагал я, было бы только справедливым, и гораздо логичнее думать, что, наоборот, – эти и все предстоящие светлые дни дарованы нам как воздаяние за все, что пришлось нам испытать и на Топси, и того пуще – на Уларе. Существует же в мире справедливость!

Именно так думал я в тот миг, когда «Триолет» своим неживым голосом (надо будет подсказать, что голосовую систему стоило бы улучшить, сделать голос выразительным, мужественным, пригласить актера, играющего героев, что ли, – такая мысль мгновенно промелькнула) заявил:

– Людям быть по местам. Узел второй локации. Смена вектора. Начинаю обратный отсчет...

И принялся отмерять числа.

Тут ничего не поделаешь. В такие минуты люди действительно должны занимать свои места и даже быть готовыми к самостоятельным действиям – что, правда, происходит весьма редко, только в тех случаях, когда тебя прихватывает сопространственный шторм и все силовые линии сопространства начинают вести себя как инструмент в руках лихого гармониста – сжиматься и растягиваться, да к тому же еще и менять ориентацию, – или же если в узле возможна встреча с другим кораблем, что тоже случается достаточно редко, хотя, безусловно, чаще, чем шторма. Хорошая космическая практика требует в таких случаях обменяться со встречным приветствиями и краткой информацией о себе: название корабля, мир приписки, точка старта, точка предполагаемого финиша; класс корабля называть не считается обязательным, поскольку встречный это и сам видит, но рекомендуется сообщить число членов экипажа, а если на борту есть пассажиры, то и их количество; кроме того – дать информацию о происшествиях, если они были, о любой нештатной ситуации, пусть и самой незначительной. Мы еще очень мало знаем о сопространстве, и в постоянном сборе сведений о нем всякое лыко, как говорится, ложится в строку. Контакт для обмена устанавливают между собой такие вот вирт-капитаны, но по традиции сразу же передают слово людям (при

условии, что они есть). Если же в узле ваш корабль оказался единственным, то на долю людей выпадает лишь проконтролировать переориентацию на новый вектор и первые такты движения по нему. Движение в сопространстве измеряется именно в тактах, поскольку никакие линейные меры здесь неприменимы, – это пояснение для тех, кто сам никогда еще в нем не бывал.

Не знаю, как это у нас получилось, но через уставные десять секунд мы уже сидели в своих креслах перед вторым сектором пульта – именно тем, который работает при нахождении в прыжке, и только там. Лючана, правда, нещадно зевала: она в эти дни помногу спала, это благотворно действует на нервную систему, так что сейчас «Триолет» разбудил ее. Что я могу отнести к недостаткам любой кваркотронной системы, это отсутствие всякой деликатности. Но, бросив второй взгляд на дисплей (первый, естественно, был устремлен в карманное зеркальце), она зевать перестала, а вместо этого промолвила:

– Ой, Ра, это что там такое?

– Я как раз пытаюсь понять, – ответил я. – По внешности вроде бы торгаш, но странноватый: вооруженный.

– Что же странного, – сказала Лючана. – Ты и сам мог бы кое-что рассказать о пиратах Простора.

– Ну, с теми-то мы разделались, – заметил я. – Хотя... лишняя предосторожность никогда не мешает.

– Кстати, а мы сами...

– Наша скорлупа – вроде бы не военный разведчик, хотя... и не транспорт с ценным грузом, а всего лишь мирная яхта. Так что волноваться не стоит.

Это я сказал уже в ту секунду, когда «Триолет» вывел на информационный дисплей сообщение о том, что мы уравнились и начинаем переориентировку на новый вектор. Я только кивнул, хотя такой способ общения с компьютером не предусматривался; это вышло у меня автоматически, потому что сам я в это время наблюдал за маневром встречного, который тоже менял направление.

– А ведь он идет с тех румбов, куда мы как раз держим путь, – проговорил я. Лючана пожала плечами:

– Вектор не хуже любого другого. Какие миры вообще там находятся, кроме Ардига?

– Посмотрим потом. – Я этим как-то не интересовался, другие миры нам были ни к чему.

– Он уравнился, – сообщила Лючана то, что я и без нее видел. – Будем выполнять ритуал?

– Проявлять невежливость – не лучший модус поведения в Просторе, – ответил я, потому что встречный уже запрашивал нас, оказавшись более сноровистым в полагающихся действиях:

«Транспорт „Барон Фонт“ приветствует умелых и отчаянных и желает скорого достижения поставленных целей».

(Это вовсе не означало, что мы показались кому-то умелыми и тем более отчаянными: такая формула приветствия

сохранилась с давних времен, когда каждый выход в сопостранство расценивался как подвиг, и не зря, а встреча в узлах была случаем необычайно редким и требующим каких-то нестандартных слов для приветствия. В наше время это стало как раз стандартом.)

– Письмом, – сказала Лючана с удивлением. – А не голосом. Почему?

– Наверное, привыкли, – пожал я плечами. – Многие так делают.

– Отвечай, что же ты? – поторопила меня жена.

– Да вот думаю: как отрекомендоваться? Вряд ли стоит докладывать: «Разведчик с мира Теллус и его супруга на отдыхе», а?

– Еще чего! Представься просто: «Увеселительная поездка». Не совсем понятно, но привлекательно. Может вызвать легкую зависть.

– Годится.

«Участники увеселительного круиза на борту яхты „Триолет“ благодарят вас за теплые слова и желают „Барону Фонту“ того же самого без ограничений».

Это тоже было ритуальной формулировкой. Ответ пришел незамедлительно:

«Примите визитную карточку. Фирма „Астрокар“, мир приписки Солана, старт двадцать шестого ноль шестого, класс рейса – регулярный коммерческий, походная масса 15000 тонн, груз – продукты сельского хозяйства для миров

шестнадцатого сектора Федерации, на борту экипаж в шестнадцать человек, пассажиров нет, мир назначения Милена, предполагаемый финиш пятого ноль седьмого. Простор спокойный, ситуаций не возникало. Капитан Ступ».

Все, как и полагается – кратко и исчерпывающе. Что же, и мы не ударим в грязь лицом.

«Управление аренды средств транспорта. Мир приписки Теллус, старт двадцать восьмого ноль шестого, класс рейса – прогулочный, груза не имеем, мир назначения – посадки не предусмотрены, на борту виртуальный экипаж и два пассажира, предполагаемый финиш второго ноль седьмого. Простор спокойный, происшествий не замечено. Капитан Триолет».

– По-моему, убедительно, – согласилась Лючана. – Пойдите, они еще что-то...

И в самом деле, новый текст уже возник на экране:

«Дружеский совет: не посещайте космопорию Ардига – пустой номер. Ардиг с двадцатого ноль шестого закрылся для кораблей. У нас был заход туда за грузом, но нас завернули».

Вот еще новости!

«Почему закрылся – не знаете? Триолет».

«Их объяснение: космопорт подвергается капитальному ремонту, предположительно откроется через четыре конвенционных месяца. Ступ».

Ну-ну.

«Сердечно благодарю за совет. Представлю на рассмотрение туристов. Им решать. Триолет».

– Мог и сказать, что сам решит. Он же капитан!

– Мог бы, однако... Чтобы обсудить проблему с бездельниками, ищущими острых ощущений, нужно время, верно? Хороший повод задержаться в узле и дать им уйти первыми.

– Чего ради? Они нам не мешают.

– Пусть остаются в неведении – какое же решение мы примем, – ответил я.

– Да почему?

– Скажем так: интуиция подсказывает.

Лючана только покачала головой – но не очень выразительно, а так, более для порядка. И мы помолчали, провожая глазами тронувшийся в путь по новому вектору транспорт «Барон Фонт».

3

Интуиция, конечно, имела место, однако были и более конкретные поводы для возникших у меня сомнений. И сейчас, не торопясь покинуть узел, я попытался выстроить их в некую систему.

Одно из сомнений, правда, сразу же, видимо, отпало. Заключалось оно в том, что вектор, по которому «Барон» пришел в узел, не использовался бы кораблем, стартовавшим с Соланы: было еще самое малое две силовых линии, пользуясь которыми, транспорт выиграл бы время, а время – и в Просторе деньги, а не только на тверди миров. Однако раз они заходили на Ардиг, этот крюк получал простое объяснение, и тот факт, что корабль пришел сюда, используя вектор Ардига, не должен был вызывать никаких подозрений.

И не вызвал бы, будь оно единственным. Но не тут-то было. Я для ясности мышления даже составил небольшую табличку:

«1. Космопорт Ардига закрыт, борта не принимаются».

Допустим. Предположим даже, что информация об этом задержалась – Ардиг все-таки настолько отдален от секторов, включающих в себя по нескольку миров, что там могли и не торопиться с рассылкой предупреждений, а другие миры, получив их, не стали бить в большие колокола, поскольку сообщения регулярного с Ардигом не было, да и чартером

транспорты заходили туда нечасто – лишь по мере накопления того, чем они там промышляли: удобрения. Допустим. Но нас ведь отправлял с Теллуса не кто-нибудь, а высокое должностное лицо Службы. А уж если Служба не знает о закрытии космопорта пусть и отдаленного мира, значит, конец света уже наступил. Нет, Иванос знал бы. А если так, то не стал бы не только советовать нам воспользоваться для отдыха этим миром, но даже, строго говоря, не организовал бы эту экспедицию.

Но если так и если вспомнить, что еще на Теллусе некие не установленные лица хотели нас отправить в какое-нибудь другое место, то не вырисовывается ли тут уже определенная тенденция?

«2. Груз сельхозпродуктов в миры шестнадцатого сектора».

Это сильно смахивает на импровизацию. Капитан «Барона» не был готов отвечать на такие вопросы, потому что шел из мест со слабым движением, этот узел, в котором мы все еще висим, посещается редко и капитан не ожидал встречи. А уклониться от ритуала не мог: это вызвало бы подозрение у любого, расценивалось бы если и не как чрезвычайное происшествие, то, во всяком случае, как нештатная ситуация: корабельщики всегда формалисты в таких делах. А почему я так уверен в том, что это импровизация? Вот почему: сочиняя на ходу, капитан вынужден был пользоваться только своей памятью, и в ней сохранились такие вещи, как сель-

хозрейсы в шестнадцатый сектор. А на самом деле снабжение этих миров извне было закрыто восемь лет тому назад, когда последний из дотировавшихся миров этого сектора – Тернара – вышел на самообеспечение.

А из этого следует еще одно любопытное заключение. А именно: всякий капитан торгового космолота – хоть разбуди его среди ночи после большой гулянки – не задумываясь скажет, что куда возят и что – не возят. Это у них всегда в оперативной памяти, поскольку борьба за фрахты между кораблями таких колоссов, как «Астрокар» и «Транскерн», не утихает ни на минуту, и не только суперкарго, но и самим капитанам приходится суетиться. Все они знают. А капитан Ступ, оказывается, не в курсе. Что же он, в таком случае, за торговый капитан? Ну, что капитан, это скорее всего соответствует, хотя гарантии и тут нет. А вот что торговый?..

Ну-ка, не поленимся...

– Люча, будь добра, вытащи у себя действующий «Кто есть кто среди звезд». И поищи там капитана Ступа. Раздел «Торговый флот», «Астрокар». Вообще любого Ступа, может, он не обязательно капитан.

– Ты думаешь, что...

– Думать не запрещается. И строить гипотезы, даже и сумасшедшие.

– Минутку...

Краем глаза я видел, как по дисплею информатора Лючаны скользили имена и звания.

– Ты не ошибся с фамилией? Как она правильно пишется?

– Как читается. Посмотри в их визитке.

– Уже попыталась, но... Куда ты ее загнал, умник этакий?

– И не трогал.

– В записи нет никакой визитки. Словно и не было.

– О господи! – только и пробормотал я. – Ты совсем разучилась. Ничего, это восстановится. Дай-ка я.

Потребовалось около двух минут, чтобы я убедился в правоте Лючаны: от полученных с «Барона» текстов не осталось ничего. Ни бита.

– Ну что, убедился?

– Ты права, – пришлось мне признать. – В очередной раз.

– Наконец-то ты понял. Что это, по-твоему, может значить? Сбой в нашей аппаратуре? Но в таком случае...

– У нас все в порядке. Тут возможно только одно: тексты были запрограммированы на самоуничтожение после определенного времени, установленного отправителем.

– Зачем?

– Мало ли может быть причин. Но, скорее всего, чтобы у адресата не оставалось никаких доказательств того, что был такой обмен посланиями и даже что встреча вообще состоялась.

– Ну, – сказала она, – в бортжурнале все зафиксировано.

– Вернее – должно быть записано. Однако если для них это почему-то имело такое значение... Да что гадать: проверим.

Я загрузил последнюю страницу журнала, который заполнялся не экипажем, а самим «Триолетом»; в него поступали и в нем хранились все сведения о рейсе – каждое изменение скорости и направления, все остановки и продолжения пути, отправленная и полученная любым способом информация – и все такое прочее.

– Полюбуйся, – сказал я ей, когда последние записи возникли на мониторе.

– Вот так раз! – молвила Лючана, даже не очень удивленно. – По записи, мы вошли в узел, уравнились, перестроились на новый вектор – и продолжаем тут висеть. Все верно, но ни встречи, ни обмена, выходит, не было? Слушай, может, мы с тобой и в самом деле – того?..

И она покрутила пальцем у виска.

– Если бы, – сказал я. – Ну, так что там у тебя со Ступом?

– Извини. Я сейчас. Идет поиск. Ага! Найдено. Он... Да что это такое! Что за идиотский день сегодня!

– Чем тебя обрадовали?

– Был такой капитан – в космотории Инары, на внутрисистемных трассах. Да только он уже тридцать лет как помер. От старости. Место захоронения тебе нужно?

– Обойдусь. Зато место воскрешения могу назвать и сам: вот этот узел. И дата – сегодняшней день.

– Поняла.

– Ну, раз мы это выяснили, давай поищем в анналах транспорт «Барон Фонт» – «Астрокар», Солана; и когда мы его не

обнаружим...

– А вот и нет! Нашла!

– Вот как! Приятно слышать. Ну, и что там о нем?

– Так. Только не Солана, а Армаг. Посадочный танкер, собран на орбите пятнадцать лет тому назад, дальное действие – неограниченное, использовался на трассах – Первый-Шестой и Восьмой-Двенадцатый секторы Федерации... А, вот интересное: пропал без вести пять лет тому назад, совершая заказной рейс на... Слушай – на Ардиг! Розыски не дали результатов.

– Есть какие-нибудь подробности об этом последнем рейсе?

– Здесь – нет и не должно быть. Они могут найтись в годовом отчете «Астрокара» за тот год. Поискать?

– Сейчас не станем тратить время. Давай лучше обсудим ситуацию.

– А что тут обсуждать?

– Хотя бы то, почему мы остались целыми и невредимыми, хотя у встречного были все возможности уничтожить нас на месте?

– Интересно. А зачем им это? Из любви к искусству? Мне уже страшно: встреча даже не с пиратом, а с кораблем-маньяком, скитающимся в Просторе с единственной целью: уничтожать всех встречных и поперечных. Ничего себе! Даже дух захватывает! Слушай, что у тебя за всплеск фантазии? Из чего ты делаешь такие выводы?

– Из того, что встречный накормил нас липовой информацией. У нас все уши в лапше. И, кроме прочего, настоятельно рекомендовал не соваться на Ардиг, лучше вообще к нему не приближаться – так я понял его добрый совет. А это, если верить моему опыту, говорит о том, что там что-то не так.

– Ты считаешь? – поинтересовалась Люча вроде бы задумчиво.

– Больше того: уверен. И потому выношу на обсуждение вопрос: может быть, последовать его совету и в самом деле поискать подальше закоулок? Потому что отдых, как я его понимаю...

– Стоп, – прервала Лючана. – Лучшим отдыхом, как известно, является смена занятий. А мои соображения такие: Ардиг тут вовсе ни при чем. Занюханый окраинный мирок. Да если бы на его счет имелись какие-то подозрения, разве Иванос стал бы советовать нам...

– Твоя позиция ясна, – признал я. – Ты за то, чтобы продолжать движение запланированным курсом.

– Да. Хотя бы ради того, чтобы понять, как обстоят дела в действительности. Если их космопорт на самом деле закрыт, спокойно уйдем обратным курсом и примемся обсуждать – под каким солнышком и на каком песочке станем нежиться. А пока у нас – только предположения, которые могут и не оправдаться.

Слушая Лючану, я внимательно смотрел на нее, и от меня

не ускользнул хорошо знакомый огонек, снова – после перерыва – загоревшийся в ее глазах. Когда она входит в такое состояние, дискутировать с ней себе дороже.

– Люча, – сказал я как можно спокойнее, – в конце концов, мы пустились в этот полет потому, что тебе – тебе, а не мне – нужно было сменить обстановку. Иными словами, ты заказала музыку. Ладно, давай ее послушаем – может быть, она окажется не самой плохой на свете.

– За что я люблю тебя, – заявила в ответ Лючана, – это за мягкость твоего характера. За сговорчивость. Давай, милый, разжигай керосинку.

– «Триолет»! Мы готовы к разгону! – доложил я, и наш виртуальный капитан подтвердил, что сообщение принято.

4

«Простор **0189+ Генерал-максимату Системы „Сотворение“.

Докладываю: военный разведчик с Теллуса встал на вектор 00X. Предполагаю несанкционированный визит. Принял меры к предотвращению. Остальное на ваше усмотрение. Продолжаю движение по схеме без коррекции. Уровень безопасности сохранен. Шкип 0 189».

«Шкиперу **0 189 – Система „Сотворение“.

Сообщение принято к сведению. Принимаются меры предосторожности. Спокойного Простора. Генерал-максимат Системы».

«Триолет» подтвердил, что моя команда им принята, пообещал продолжение полета и умолк. За этой отмашкой должны были последовать действия. Их не произошло.

Вернее, не совсем так. Что-то случилось. Но вовсе не то, чего я ожидал и что должно было происходить, будь у нас все в порядке.

А случилось вот что: возник раздрай между обстановкой, в которой мы находились согласно показаниям всего приборного иконостаса, и той, какая напрашивалась, если верить собственным чувствам.

Все как один индикаторы указывали, что корабль выполняет заданный маневр, покинул узел и разгоняется по вектору с нормальным ускорением. Иными словами – что все в полном порядке. Все как один, похоже, ввали хором и весьма согласованно.

А что они именно врут, проистекало из свидетельств, самое малое, двух органов чувств, подкрепленных показаниями пусть и немногих, но зато, так сказать, независимых очевидцев.

Первым оппонентом приборам выступил мой собственный организм. Его ощущения. У меня нет такого опыта жизни в Просторе, который позволял бы моему телу со всеми его системами не ощущать разгонного ускорения, даже будь

оно достаточно мягким. Может быть, конечно, профессиональные Орлы Простора, но даже от них мне никогда не приходилось слышать о таком, наоборот – не раз они высказывались в том смысле, что было бы очень неплохо пересмотреть физику именно в той ее части, которая ведаёт инерцией. Но даже в сопространстве, то есть в Просторе, масса оставалась массой и воспринимала ускорение с таким же неудовольствием, как и в любом другом месте. Так вот, если верить приборам, я должен был бы сейчас испытывать очень неприятные ощущения из-за все нарастающего ускорения; должен был бы – потому что пилотские кресла в значительной мере компенсируют влияние ускорения на организм, но уж никак его не отменяют, к сожалению. Я должен был – но не испытывал. Ни малейшего. А при расхождении показаний прибора и собственного ощущения я все-таки предпочитал всегда верить ощущению. Тем более что – я убедился в этом, легко повернув голову, – и Лючана испытывала, а вернее – не испытывала никакого неудобства и лишь, в свою очередь, смотрела на меня, высоко поднятыми бровями выражая удивление.

То была оппозиция приборам за номером первым. Вторая же – и не менее убедительная – заключалась в том, что выброшенный нашим капитаном «Триолетом», как это всегда делается в узле, репер (он нужен в первую очередь для того, чтобы легче было удерживать корабль в нужной точке, потому что порой какие-то еще как следует не объясненные силы

вызывают здесь нечто вроде дрейфа, пусть и небольшого) по-прежнему висел там, куда был определен, убедиться в этом было легче легкого – стоило только взглянуть на экран. А ведь начни мы действительно движение, эта штука была бы втянута в ту нишу, где она и пребывает большую часть времени. Репер, или, как иногда его называют, якорек, – вещь достаточно дорогая, и сорить ими, оставляя в каждом узле, который посещаешь, слишком накладно. «Триолет» не подобрал его – и, значит, реальное движение и не начиналось, и даже подготовка к нему не была завершена, хотя «Триолет» через приборы старался, кажется, убедить нас в обратном.

– Похоже, у нас проблема? – не выдержала молчания Люча. – Сбой?

– Скорее всего, так и есть, – ответил я.

– Зависли в узле?

– Можно назвать и так. Но лучше определить как временный отказ управляющей системы.

– Почему он возник? Плохо настроили?

– Не думаю. Это все-таки корабль Службы.

– Тогда что же?

– Выясним. Подозреваю, что наведенная дезинформация.

– Объясни членораздельно, – потребовала она.

– Ну, как тебе сказать... А вот сейчас покажу. Ты хорошо сидишь?

– Нормально, как полагается.

– Не меняй положения. Пожалуйста.

– А ты... Постой! Что ты собираешься делать?

– Всего лишь провести маленький опыт.

Говоря это, я расстегнул страхующую систему моего кресла. Выждал секунду-другую. У нас ничего не случилось, приборы продолжали показывать разгон по вектору. И все же что-то стало не так. Ага, вот оно: якорек больше не виднелся в уголке экрана. Значит... Все правильно.

– Держись, – сказал я Лючане – просто так, чтобы приободрить ее. И, прочно утвердив ладони на подлокотниках моего кресла, стал медленно выжиматься, отрывая свое сидалище от сиденья – а значит, и от всех расположенных в нем датчиков. Если мои предположения...

Дзеннн!..

Колокольным басом мое кресло отозвалось на последовавшие события. А именно – на то, что меня с немалой силой швырнуло на то место, от которого я только что оторвался. Хорошо, что я был к этому готов. Меня впечатало в спинку и в само сиденье, и это было то самое воздействие силы инерции, которого нам так не хватало. Машина прямо-таки рванулась вперед. И тут же движки отключились: это был лишь разовый импульс.

Я представил себе, как выглядел бы сейчас, если бы действительно встал с кресла, а не симулировал это вставание. Скорее всего, я сейчас стекал бы с задней переборки, в которую меня крепко, от души, впечатало бы.

– Все в порядке, – торопливо проговорил я, чтобы предот-

вратить возможные высказывания со стороны моей жены. – Просто надо было убедиться...

– В чем, олух ты этакий! Ты...

Свобода слова – великая вещь. Но все великое утомляет.

– Я ведь сказал: все в порядке. Надо же было выяснить – как далеко заходили их пожелания: только ли предупредить или поступать круто. Второй вариант выглядит более убедительным.

– Ну, и что теперь? Ты видишь какой-нибудь выход?

– Очень простой. Простой – не значит легкий.

– А именно?

– Спокойно обождать. У них было слишком мало времени и возможностей, чтобы засорить комп серьезно. Скорее всего, большая часть того, что они нам отправили, застряла в наших фильтрах. А прошла вот эта симулятивная программа и второе – быстрый старт в мгновение, когда кто-то из экипажа находится вне страховки. Но «Триолет» – сильная машина, судя по тому, что нам говорили. И наверняка уже копается в себе, ищет причины.

– Покушение на убийство! Ты это хотел сказать?

– Ну, можно сформулировать и по-другому: предупреждение, что играют они тут по-крупному. Ставки серьезные.

– Кто они?

– Наш встречный купчик во время обмена посланиями. На совершенно других частотах. С этим «Триолет» разберется.

– А если нет?

«Сбой устранен. Продолжаю движение. Все по местам!»

Нет, все-таки не такой уж плохой у него голос, честное слово.

События ближайших нескольких часов вряд ли заслуживают серьезного упоминания. В нашем с Лючаной полете больше никаких происшествий не наблюдалось, никто не повстречался по дороге – может быть, потому, что мы больше не проходили ни через какие узлы.

Расчет мой на компьютерный инстинкт самосохранения оказался верным. И когда мы, совершив выход, оказались в привычных трех измерениях, я (хотя и не сразу) с удовольствием услышал доклад «Триолета» о том, что он в полном порядке. Мне был даже представлен подробный перечень операций по обнаружению и удалению вирусов; я сохранил его, полагая, что после возвращения на Теллус этот материал сможет пригодиться Службе, – получится, что они гоняли свой кораблик не совсем из чистого человеколюбия.

«Триолет» восстановился очень кстати: собственно, самая замысловатая часть полета только сейчас и начиналась. После того как мы вывалились из Простора, удалось, пусть и не сразу, отыскать Ардиг, до которого оставалось еще примерно около пяти миллионов километров. Вирт-капитан не стал сразу же приближаться к нему, но лег на орбиту выжидания. Я было совсем обрадовался, решив, что он намерен просто совершить посадку, предварительно найдя соответственно приспособленное для финиша место (подразумевался кос-

модром), избегая при этом сближения с другими телами, находящимися в припланетном пространстве (имелись в виду возможные спутники, другие корабли, космический мусор естественного и искусственного происхождения), и в процессе выполнения посадочного маневра обшаривать и анализировать эфир по всему диапазону частот, какие находились в широком обороте. С орбиты мы сошли очень плавно, потом «Триолет» изменил плоскость нашего обращения вокруг Ардига с экваториальной на почти полярную, обеспечивая таким образом минимальную вероятность встреч с телами, что могли бы представлять какую-то опасность. Прошли часы, прежде чем мы приблизились к планете на расстояние, с которого уже можно было рассчитать и выполнить посадочный маневр. Поверхность Ардига была примерно на три четверти закрыта облаками, а там, где их не было, просматривалась только вода. Похоже, ее в этом мире хватало, так что купальный сезон получится удачным – такая мысль промелькнула в голове, когда «Триолет» после восьмого витка на предпосадочной орбите доложил:

«Не обнаружено никаких признаков приемных сооружений».

То есть космодрома он не нашел. Скорее всего, это означало, что столь полезное хозяйство и на самом деле закрыто и потому не подает никаких сигналов, какие обычно дают возможность посадить корабль именно туда, куда следует. Получалось, что встреченный нами «Барон» не соврал,

предупреждая? А как же...

Додумать я не успел, потому что последовал новый доклад:

«На всех общих частотах идет предупреждение: „Ввиду неблагоприятных погодных условий посадка кораблей запрещается вплоть до улучшения обстановки. Последствия предпринятых попыток квалифицируются как неоправданный риск“.

Иными словами – за жизнь нарушителей планета ответственности не несет. Что же, все очень логично и законно. Разумеется, по хорошей космической практике мы должны были запросить разрешение. Но на сей раз получили отказ, так сказать авансом, и это освобождало нас от такой необходимости. Хотя, с другой стороны, и как бы ставило нас (если мы все же попытаемся снизиться) вне закона.

Наша высота над поверхностью пока еще была такой, что мы находились в открытом пространстве; граница между открытым и суверенным пространством пролегает на расстоянии тысячи километров от поверхности, так что мы могли крутиться здесь невозбранно – до посинения. И пока еще я не принял окончательного решения, что предпринять дальше: над этим следовало основательно пораздумать, потому что от него могло зависеть очень многое.

Однако мое мнение тут никому не было нужно.

«Людям занять места. Включить страховку. Приготовиться к посадке на планету. Начало маневра через тридцать се-

кунд. Начинаю отсчет».

Тридцати секунд мне хватило, чтобы задать вопрос самым негодующим тоном:

– Эй, «Триолет», что это ты себе позволяешь? Без нашего согласия...

А ему их же хватило, чтобы ответить:

«Начинаю выполнение главной программы».

Дальше пошли мелькать надписи на нижнем табло:

«Источники видимого света убраны».

Это проще всего.

«Загружена подпрограмма „Незримость“.

Что, черти бы всех их взяли, за сюрпризы?

– «Триолет», но мы еще не решили...

«Второй слой поглощения активизирован».

Пришлось напрячь память. Ага. Под внешним корпусом корабля лежит слой сложного высокомолекулярного полимера, способный после активизации полностью поглощать тепловое излучение, поскольку в нем начинается реакция, требующая для своей реализации очень много тепла. Реакция эта протекает не менее часа – и, значит, именно столько времени нас невозможно будет увидеть в инфракрасном диапазоне. На жаргоне Простора слой этот называется одеялом. О чем «Триолет» мне и сообщил. А что касается нашего с Лючей решения – вирт-капитан дал ясно понять, что оно здесь всем до лампочки.

Ну-ну. Очень весело. И захватывающе.

«Первый слой поглощения активизирован».

А это уже не одеяло, а покрывало. Этим веществом корпус обработан снаружи, и когда «покрывало» включается в работу, то начинает поглощать каждый квант видимого света, все равно – от далекой звезды или от бьющего в упор прожектора. А также – что весьма важно – и от радарных частот. Покрывание тоже выдерживает час даже очень сильного облучения, и на эти шестьдесят минут мы становимся абсолютно черным телом.

Но этими программами вовсе не исчерпывается набор, которым космическая разведка наделяет свои корабли. Сейчас, если я правильно помню, должен последовать... Ага, вот и он:

«Терц-защита приведена к бою».

Кому только пришло в голову назвать ее так? Какому-то поклоннику древних мушкетеров, не иначе. Терц – третья защита в фехтовании, а всего их там шесть. И на разведчиках эта защита тоже третья по счету. Она как раз ничего не поглощает, наоборот – отражает все. Но не как попало. Когда она начинает действовать, корабль окутывает себя еще одной оболочкой – мощным полем, заставляющим падающие на корпус лучи не отражаться и не поглощаться, но огибать его, как бы скользя по этой оболочке, а миновав ее – снова возвращаться на первоначальное направление. Просто черное тело было бы легко различимо на звездном или любом другом фоне; так что только терц делает корабль по-насто-

ящему невидимым. Вообще-то применение терца практически делает «покрывало» ненужным, но третья защита принята на вооружение относительно недавно, бывает, что она по каким-то причинам начинает сбоить, и это создает эффект праздничного салюта, фейерверка, веселого, но только не для пилотов корабля. Поэтому до сих пор предписывается применять терц и покрывало параллельно – для страховки.

Теперь мы, кажется, подстраховались. И сейчас «Триолет» объявит еще о каком-нибудь волшебстве из его арсенала. Ну вот и оно:

«Двойник в стартовой готовности».

Я не сразу усек, что речь шла о фантомном двойнике нашего корабля, на самом деле являющемся лишь компактной схемой, а на жаргоне «кварковиной», способной, будучи выброшенной в пустоту, создать там очень реалистическое изображение оригинала, причем не только видимое, но и обладающее точно такими же характеристиками, включая и гравитационную, и магнитную. У нас же на борту включится антиграв – но только на минуту, иначе весь расчет посадки нарушится. Что же касается магнитного поля, то его полная компенсация связана с чрезмерным риском: бывает, хотя и не всегда, что включение магнитной маскировки приводит к сбою в работе компьютеров, а остаться без их помощи в процессе посадки я не пожелал бы и врагу. Кварковина может создавать образ нашего корабля не более тридцати минут подряд – на большее ей не хватит энергии, понадобится

время на подзарядку. Но мы за это время должны уже опуститься на поверхность, желательно в безопасном месте, по-прежнему невидимые ни глазами, ни приборами. Что там на табло?

«Препятствий к совершению посадки не установлено».

Ну, хоть на том спасибо.

«Четыре, – сказал „Триолет“. – Три. Два. Один. Спуск».

На мгновение закружилась голова: включился антиграв. Где-то под ложечкой возникла тоска. Погасли все экраны, выключенные, как и положено при соблюдении режима скрытности: минимум излучаемых частот. Минута легкой вибрации. Приборы по-прежнему работают, и по ним можно понять, с какой скоростью мы сближаемся с поверхностью, как греется обшивка и надолго ли хватит защиты-два, а главное – подвергаемся ли мы преследованию. Но приборы дают только цифры, а мне хочется видеть своими глазами...

– «Триолет», экраны!

Экраны засветились. Но увидеть удалось не так уж много. Потому что мы садились на ночном полушарии и под нами никаких огней не было – как, собственно, и должно быть на планете, не имеющей населения. И лишь дальномер показывал, что мы уже совсем невысоко. «Триолет» включил торможение антигравом – бесшумное, беспламенное, скрытное. Доложил:

«Скорость снижается по расчету посадки на поверхность первой категории. До соприкосновения пятнадцать секунд.

Четырнадцать. Тринадцать...»

– «Триолет», что такое «поверхность первой категории»?
«Девять. Восемь. Включаю страховку на максимум».

Ого! Основательно нас прижало. Компенсаторы кресла надулись. Никогда мне не нравились эти последние секунды. чувствуешь себя как спеленутый новорожденный, можешь только орать. Хорошо, что...

«Четыре. Три. Два. Один. Контакт! Просьба не покидать кресел до окончания анализов окружающей среды».

Даже не тряхнуло. Но мы послушно остались на местах, переводя дыхание, сбившееся, наверное, главным образом от волнения, неизбежного, когда завершается любое, пусть даже самое заурядное путешествие. А назвать таким наше язык не поворачивался. Анализаторы работали всю, программа «Незримость» закрылась – все равно, судя по экранам, вокруг была ночь, да и видеть нас вроде бы некому. Так что спешить нам некуда: вполне разумным было бы сейчас залечь в койку, а наружу выйти (если, конечно, не будет никаких препятствий) уже утром, при солнечном свете. Но мы оба понимали, что не утерпим, что хоть на минуту-другую, но выйдем, чтобы ощутить себя вне замкнутого корабельного пространства, вдохнуть природный воздух, почувствовать, как пахнет эта планета, как звучит ее ночь, – кстати, мы ведь даже не знаем, какова тут жизнь, что растет, что бегает, ползает, летает...

«Исследование окружающей среды завершено. Препят-

ствий для выхода за пределы корабля не имеется. Напоминаю о необходимости выполнения обычных правил безопасности и сохранения окружающей среды».

Люча среагировала быстрее моего. Отключила страховку. Вскочила.

– Ты что, уснул? Вставай скорее! Пошли!

Я тоже встал. И насторожился: палуба под ногами тонко, едва уловимо, но все же завибрировала.

– «Триолет», в чем причина вибрации?

«Производятся обычные работы по укреплению корабля на грунте».

А, ну это ладно. Ничего страшного или необычного. Что же, и в самом деле пришло время глянуть на мир, в котором мы еще никогда не бывали.

Люк открылся, одновременно выдвинув трап, и мы с Лючаной, самую малость помедлив в открывшемся тамбуре, спустились, чтобы оказаться под ардигскими звездами.

На них мы почему-то и посмотрели в первую очередь – как если бы хотели увидеть след, оставленный в воздухе нашим кораблем. Но следов – я имею в виду видимые – не осталось. Разумеется, чаша небосклона была черной, звездный узор, конечно, нимало не напоминал ни самый привычный, теллурианский, ни созвездия, виданные на других мирах, и взгляды наши напрасно старались прочертить в этой черноте знакомые линии. Возможно, ярких звезд было несколько меньше, чем на Теллусе, но были они крупнее.

Поверхность вокруг нас казалась ровной, а когда мы ступили на нее, под ногами что-то захрустело: какая-то растительность, трава, скорее всего, но непривычно ломкая, невысокая – сантиметров двадцати, пожалуй. Воздух был чистым, никаких промышленных запахов, хотя на вкус отличался от земного, в нем имелся какой-то нюанс, неопределимый просто потому, что не походил ни на один из знакомых нам запахов. Его нельзя было назвать приятным или неприятным, просто он был чужим, однако, судя по данным анализов, не представлял для человека никакой опасности. Было тепло и тихо, видимо, ночью все живое тут отдыхало –

ни ночных птиц, ни насекомых, ни шелеста проползающего пресмыкающегося – не говоря уже об антропогенных шумах; долгожданный покой.

Слева, за далеким горизонтом, что-то едва заметно розовело, какой-то свет – скорее всего, лунный. Мы помнили, что Ардиг обладает двумя естественными спутниками, неожиданно крупными – дальний был размером с нашу Луну, ближний чуть побольше. Интересно было бы дожидаться их восхода, но мы вдруг почувствовали усталость, ничуть не удивительную: все-таки какое расстояние большое отмахали! И даже не без приключений – которые, впрочем, вряд ли имели какое-то отношение к Ардигу: таким безмятежным представился нам этот мир. Пожалуй, не очень-то захочется улетать отсюда. Да, собственно, никто и нигде нас не будет ждать. Вот и «Триолет», похоже, решил осесть тут надолго; такая мысль возникла у меня, когда я, повернув голову, глянул на ближайший ко мне якорь – массивный архимедов винт, один из четырех одновременно ввинчивавшихся в не очень податливый, судя по звуку моторов, грунт.

Ну что же, с утра начнем переселяться на природу, раскинем свой лагерь, поищем, где тут ближайшая вода, помнится, что-то похожее промелькнуло на экране, когда мы сидели. А если не найдем, придется «Триолету» вывинчиваться и перенести нас поближе к волнам, на морское побережье – то, которое ясно обозначалось на карте у Иваноса. Одним словом – солнце, воздух и вода. И любовь, конечно.

– Поздравляю с прибытием, Люча, – сказал я ей. Она обняла меня, и мы поцеловались. Одновременно повернулись, плечо к плечу поднялись по трапу, и люк затворился за нами, гарантируя неприкосновенность во время сна.

«Главная база Системы. Генерал-максимату Изоду. Докладывает командир эскадрильи перехвата и защиты Первый медиат Ущорп. В соответствии с полученным предупреждением барражирование на границах суверенного пространства усилено вдвое. Появление неопознанного корабля класса «Всестихийный» зафиксировано в один час пятьдесят две минуты местного времени. Как вы и приказывали, наша эскадрилья себя не обнаруживала и лишь отслеживала движение объекта, что, однако, удалось лишь до его вхождения в средние слои атмосферы, после чего объект скрылся из виду, вероятно при помощи какого-то неизвестного нам способа. Вторично был обнаружен на значительно большей высоте, почти на границе суверенной космотории, и, по нашим наблюдениям покинув прилегающее к планете пространство, ушел, ускоряясь, вероятно, для перехода в Простор, что подтверждается видеозаписями и непосредственными наблюдениями участвовавших в маневре экипажей. Прошу поощрить участников успешной операции согласно прилагаемому списку. С вечным почтением 1-й м-т Ущорп».

«Генерал-максимат Системы „Сотворение“ Изод. Всем.

Довожу до всеобщего сведения доклад эскадренного

медиата Ущорпа по поводу обнаружения на приграничной орбите неизвестного пространственника класса «Всестихийный». Считаю, однако, своим долгом предупредить всех о том, что одновременно с проведением указанной операции внешней станцией слежения зафиксировано соприкосновение с поверхностью массивного тела. Астрономические службы не отметили сближения с Ардигом каких-либо небесных тел подобного класса, способных при падении вызвать волну с такими характеристиками, какие были станцией отмечены. Не исключается возможность того, что нарушитель все же совершил посадку, предварительно симулировав свое бегство. Поэтому рекомендую в ближайшие часы начать стандартную операцию «Поиск» как в координатах, в которых случилось происшествие, так и в соседних районах. Особую бдительность проявить эскадрилье перехвата и лично Первому медиату Ущорпу.

Подписал: Генерал-максимат Системы Изод».

Продиктовав это сообщение, генерал-максимат приказал:

– Лучшего агента внешней безопасности – ко мне! Кто у нас сейчас лучший?

– Медиат второго градуса Маха, несомненно.

– Ну да, я так и думал. Немедленно!

Когда женщина вошла и представилась, максимат позволил себе секунду-другую полюбоваться ею, прежде чем сказать:

– Вы – старшая группы?

– Старшая пары, генерал-максимат.

– Ваша пара получает специальное задание.

– Внимательно слушаю.

– С этой минуты... Простите.

Последнее слово было неожиданным и вызвано было тем, что зазуммерил иннерком. Маха сделала движение к двери, генерал-максимат покачал головой, как бы показывая, что от нее секретов нет.

«Генерал-максимат, заложники застигнуты при попытке выйти на связь при помощи самодельной схемы. Схема изъята. Какие будут распоряжения?»

– Охрану усилить, на три дня лишить горячего, предупредить о строгих мерах при новых попытках нарушения режима.

«Слушаюсь, генерал-максимат!»

– Еще раз извините, медиат!

На этот раз генерал-максимат вызвал нужную службу сам:

– Сектор связи? Приказываю: немедленно создать защитный кокон вокруг планеты. Чтобы ни единого бита не могло выйти из этого мира или попасть в него. Вопросы?

«Так точно, есть. Как в таком случае быть со связью с танкерами?»

– Навозники ходят по графику. Будете открывать канал в соответствии с ним.

«А относительно особых рейсов?»

– Вы же знаете: до прибытия особого – четверо суток. Откроете, как только он выйдет из Простора, вам будет сообщено точно.

«Слушаюсь, генерал-максимат!»

– Наконец-то можно поговорить, – сказал затем генерил-максимат. – Итак, вы, я полагаю, в курсе того, что к нам снова наведалься чужой разведчик. Похоже, они там хотят увеличить число заложников – что же, милости просим. Задача: немедленно обнаружить место посадки, наличие людей, произвести их задержание, вызвав в случае надобности подкрепление. Все это выполнить сегодня. Есть вопросы?

– Вопросов нет, генерал-максимат.

– Выполняйте.

Глава третья

1

И в самом деле, пришла наконец пора увидеть новый для нас мир собственными глазами при дневном свете. И мы его увидели, выйдя из корабля уже опробованным ночью способом.

Однако, увидев, мы его не узнали. Он оказался – а точнее, стал – совсем другим.

Если ночью под нашими ногами слегка похрустывала трава – или что-то иное, занимающее тут эту нишу, – то сейчас затруднения возникли уже в самом начале: даже сойти с трапа оказалось делом не таким уж простым. Потому что вокруг встали непроходимой или почти непроходимой чаще совсем другие растения, по своим размерам вполне достойные того, чтобы называться деревьями. Они напоминали пальмы: имели голый ствол, и лишь на высоте метров полутора начиналась крона – множество тесно сидящих длинных и узких листьев, сильно смахивающих на удочки рыболовов. Гладкие, без всяких прожилок, настолько, видимо, тяжелые, что не устремлялись вверх, к свету, они как бы бесильно свисали, кончиками едва не касаясь грунта, а вернее, травы. Ночью тут ничего похожего не было – но рассудок

отказывался допустить, что эта чаша, простирившаяся сейчас на сколько хватал взгляд, возникла тут за считанные часы. Скорее уж можно было поверить в то, что «Триолету» вчерашняя точка посадки почему-то не понравилась и он, пока мы спали, перелетел на другое место, гораздо более выгодное с точки зрения маскировки. Да и растения эти давали прекрасную тень, а уже сейчас, утром, термометр обещал, что, когда день наберет силу, тень окажется здесь вовсе не лишней. Так или иначе, какая-то загадка тут была. В таком лесу могли обитать самые неприятные для общения твари, появившиеся вместе с деревьями неизвестно откуда; да если даже их не было – растения порою и сами бывают хищными, а справляться с ними порой не легче, чем с самым зубастым зверьем.

Кроме того, был тут еще и ветер, который ночью не ощущался; не очень сильный, я бы даже сказал – ласковый ветерок, к тому же (приятный сюрприз!) явственно пахнущий морем. Это наверняка свидетельствовало о том, что та стихия, по которой мы оба истосковались, располагается достаточно близко к нам и затруднений в ее достижении вряд ли окажется много.

При виде происшедшей метаморфозы мы с Лючей задержались наверху несколько дольше, чем стоило бы, потому что это зрелище в первые мгновения нас даже несколько ну не то чтобы испугало, но, во всяком случае, смутило. Поскольку если ночная трава (она, кстати, никуда не делась, да-

же подросла примерно до полуметра и продолжала занимать все пространство, свободное от деревьев) и не наводила на мысли о необходимости вооружиться, то лес заставлял думать именно о таких мерах предосторожности. Однако, к нашей чести будь сказано, нам и в голову не пришло отказаться от мысли об устройстве лагеря – правда, не так далеко от корабля, как мы решили было ночью. И, наполнив, как говорится, новым зрелищем свои взоры, мы решили сразу же после завтрака перейти к делу.

– Выгружаемся, Люча. За работу, красавица моя: желанный отдых ожидает нас!

2

Она только кивнула, и следующие полчаса ушли у нас на выгрузку курортного снаряжения. В него входила хорошая надувная палатка с таким же полом и надежно закрывающимся (от кровососов) входом, пляжный ассортимент, включавший соответствующую одежду и спортивный инвентарь; на всякий случай (хищные звери, предположим) охотничьи иглометы с опто кваркотроникой, походная аккумуляторная кухня – заряжать батареи можно было без проблем, пользуясь корабельной сетью, – посуда, стартовый запас еды (предполагалось, что в дальнейшем мы будем добывать пропитание при помощи удочек, которых тоже был полный набор, а при случае используем и игольную стрельбу), пляжная косметика для загара и против него, туалетные принадлежности, а также средства связи, наблюдения и еще легкий ВВ-приемничек. Мы не собирались слушать его постоянно, наоборот, нашим стремлением было как можно надежнее изолироваться от мира; но я решил, что время от времени все-таки придется прослушивать новости – хотя бы для того, чтобы своевременно услышать о конце света, когда он наконец наступит.

Далеко нести все это не пришлось хотя бы потому, что вода, предмет мечтаний, оказалась ближе, чем нам показалось при первом взгляде сверху, с площадки. На самом деле берег

располагался уже метрах в пятидесяти от нашего корабля, но был отделен от нас уже описанной зарослью, настолько плотной, что, казалось, углубиться в нее было возможно, только прорубая себе путь топорами. Я уже сказал, что и деревья здешние, и трава показались мне необычными, но с ними я решил разобраться позже – из чисто научного интереса. Кто знает, может быть, эти виды неизвестны в цивилизованном мире и я, назвав зелень своим именем, приобщусь к сонму бессмертных. Хотя, откровенно говоря, это меня не очень-то интересовало, в мире было полно более актуальных проблем, а забудут ли люди мое имя или нет – неважно: оно у меня не первое, как и сама эта жизнь, и не последнее, поскольку мне еще далеко до того уровня продвинутости, после которого уже не возвращаются. Остаться человеком – вот что главное в каждой жизни; а среди тех, чьи имена история заносит в свою базу данных, на самом деле очень много таких, кто нынешнюю свою жизнь проживает хорошо если собакой, а скорее – каким-нибудь жуком-навозником. Я понимаю, что множество людей в это не верит, я тоже не верю: вера не нужна знающему – а я знаю. Но это так, кстати.

Отложив исследование ардигской флоры до лучших времен, я разогнул спину, вытер пот, без которого не обошлось, потому что погода была воистину курортной, и сказал Лючане:

– Ну что – переходим на сухопутный образ жизни? По моему, все необходимое взято и можно отправить «Триоле-

та» на выжидание. Как думаешь?

Она с минуту помолчала, шевеля губами и загибая пальцы, и в результате ответила:

– Ты чувствуешь, какой здесь воздух?

Воздух и в самом деле был, как и ночью, прекрасный, на Теллусе такого наверняка не сохранилось нигде, а может, никогда и не было. Я имею в виду не его химический состав – этим занимался «Триолет» и дал вполне благоприятное заключение, – но какой-то растворенный в нем запах, лучше назвать это ароматом, ни на что известное нам не похожим. Теперь стало казаться, что был он тонким, одновременно бодрящим и расслабляющим, вызывающим желание обонять его еще и еще.

– Воздух упоительный, – продолжила Лючана. – Надо взять образцы для более полного анализа...

– Люча, такой практицизм! Фу!

– Разве плохо было бы создать такой воздух хотя бы у нас дома?

Дома. Впервые за все последнее время она выговорила это слово без горького призвука, и это означало, что моя ненаглядная уже приходит в себя. Начало положено.

– Будь по-твоему. Но для верности все-таки давай осмотримся как следует – по кодексу безопасности. Вот эта чашо-ба может таить в себе мало ли что: змеи, клещи, пауки...

– Не уверена: с живностью здесь, похоже, не очень богато. Но, в принципе, ты прав. Только один вопрос: как же ты со-

бираешься туда проникнуть? При помощи топора? Хорошо ли – не успев ступить на берег, сразу же ввязаться в схватку со здешней природой?

Но я успел уже свести знакомство с одним кустом – в такие кусты как-то незаметно превратилась недавняя трава, какая-то дикая сила прямо-таки гнала растительность из-под земли, – с тем, что оказался самым близким.

– Рубить не понадобится. Смотри: они ломаются чуть ли не сами собой, даже двумя пальцами можно расчистить тропку. – Я повертел отломанный отросток в руках. – Знаешь, это не древесина вообще. Зеленая масса, полная сока – или воды...

– Только не вздумай пробовать. И лучше не трогать это голыми руками, ладно? Я предлагаю другой способ: давай прогуляемся по берегу вдоль опушки. Если там, дальше от берега, кто-то обитает, мы увидим какие-то признаки жизни. Какие-нибудь проходы, примятости – даже след змеи можно заметить при тщательном наблюдении. О людях не говорю, их тут нет по определению.

– Ну что же, можем пофланировать, но не очень далеко: скажем, километр в одну сторону, потом столько же в другую. Но сперва я все же разбил бы лагерь; не помнишь из той хилой энциклопедии, сколько здесь длятся сутки?

– Помню. Двадцать часов с минутами.

– Ну вот. Поскольку мы поспали в свое удовольствие, не так уж много времени остается до заката – а ведь мы, судя

по карте, в тропическом поясе, так что темнота может наступить сразу. Обустроим дом, а потом уже погуляем.

– Ну, что же, можно и так, – произнесла Лючана тоном, свидетельствующим, что она соглашается лишь ради сохранения семейного мира. Мне это не понравилось.

– Ладно, я передумал. Пошли гулять. Если не будем заходить слишком далеко, успеем засветло вернуться и сделать все необходимое. А ужинать можно и при лунном свете. Его тут должно быть в избытке. Согласна?

Мы скинули с себя полетное обмундирование и облачились в пляжное, сразу почувствовав облегчение.

– Обязательно будем купаться, – заметила Люча.

– Непременно. Вода в этом море, по-моему, теплая.

– Боюсь, что даже слишком. «Триолет» дал двадцать пять градусов. Но это у самого берега, наверное, на глубине будет прохладнее. Что берем с собой?

Вместо ответа я закинул за спину игломет и подпоясался ремнем, на котором висел охотничий нож.

– Не слишком ли?

– Запас мешка не тянет. Советую и тебе.

Поколебавшись, Лючана вооружилась таким же образом, заметив только:

– Шайка перестраховщиков.

– Пусть так – все равно никто не видит, а мне спокойнее.

– Может, ты еще и оперкейс прихватишь?

Я как раз собирался так и сделать, но вовремя удержался.

Ох уж мне это женское ехидство!

– В следующий раз – обязательно, – заверил я ее, чтобы сохранить чувство собственного достоинства. – Ну что, робинзонша, тронулись?

И мы медленно зашагали вдоль опушки, стараясь не упустить ни одной детали, которая могла бы дать повод для размышлений.

– Стой!

На самом деле Лючана даже не выговорила это слово целиком. Получилось что-то змеиное: «Сссст...», но тем не менее вполне понятное, и я остановился сразу, как если бы наткнулся на стену. И даже не стал спрашивать – в чем дело, потому что увидел и сам. Но только вторым. Поскольку в тот миг смотрел не на заросли, а на воду; она медленно, а бы сказал – вкрадчиво подступала все ближе, и это означало, что идет прилив и, следовательно, мы очутились на берегу моря, а не какого-нибудь озера. Об этом я и думал, когда Люча окликнула меня.

Она, как всегда, оказалась на высоте. Надо было смотреть очень внимательно, чтобы не пропустить мимо сознания совсем небольшой промежуток между двумя кустами; небольшой, но все же выпадающий из того ритма, которому эта растительность как бы подчинялась, располагаясь вдоль береговой линии. Одного куста, пусть и небольшого, тут явно не доставало, и это могло что-то означать, с таким же, впрочем, успехом, как и не означать ровно ничего. И все же...

– Я погляжу, – произнес я одними губами, чтобы не нарушать тишины. – Жди здесь.

И очень осторожно, боком, протиснулся в брешь. Если дальше путь преградит еще одно такое же растение – зна-

чит, никакого значения это нарушение однообразия не имело. Если же...

Но первое предположение не оправдалось. Здесь действительно начиналось нечто вроде тропинки. Правда, уже метров через семь-восемь она упиралась в такую же зеленую стенку, какие стояли с обеих сторон. Однако, сделав несколько шагов, я понял, что это был всего лишь поворот, за которым путь уходил дальше. Конечно, это опять-таки было лишь предположением. Если это и был найденный путь, то никаких следов на нем, сколько я ни вглядывался, различить было невозможно. Но это меня не удивило: мы с Лючаной успели здесь уже убедиться в том, что на этой поверхности никаких следов не оставалось, здесь мог пройти человек или целый десяток людей – и все равно тропа выглядела бы первозданно-нетронутой, просто полоска гладкой поверхности между двумя массивами хрупких кустов. И, однако, если что-то напоминает дорогу, то это и следует считать дорогой, пока не возникнут доказательства противного. Дорогой человека или зверя – это еще придется выяснять, как следует подготовившись.

Последняя мысль заставила меня не только сбросить игломет с плеча (это было довольно сложно, потому что не хотелось задевать окружающие кусты: если никто другой не оставил здесь следов, то и мне не стоит нарушать разумную традицию). Сняв игломет, я не поленился даже вложить игольник в магазин – медленно перевел рычаг, чтобы не вызывать

лишних звуков. И, кажется, вовремя, потому что услышал хотя и очень негромкий, но все же несомненный шорох, не спереди, правда, а сзади, но это могло быть еще хуже. Пришлось крутнуться вокруг своей оси, одновременно готовясь выстрелить. Но это была всего лишь Лючана, как и следовало ожидать. Да еще и рассерженная.

– Если ты решил уйти от меня, – заявила она (спасибо, что не очень громко), – то мог бы сделать это и дома, не стоило лететь в такую даль.

Между тем я оставил ее на опушке каких-нибудь три минуты тому назад. Воистину долготерпение не относится к достоинствам моей супруги. Но я не стал качать права, а в свое оправдание сказал лишь:

– Хорошо, что ты подошла, я уже хотел позвать. Тут и в самом деле тропа, ты молодец, что вовремя ее заметила. И я думаю, что стоит пройти по ней дальше. Всякий путь куда-нибудь да приводит, верно?

– Здесь душноовато, – сказала Лючана в ответ. – И запах сильнее.

И в самом деле, тот легкий ветерок, что непринужденно гулял вокруг нашего корабля, не имел никаких шансов пробиться сюда – тут был полный штиль, и, скорее всего, этим объяснялось и усиление аромата. Может быть, этот кустарник и был его источником? Но сейчас думать об этом мне не хотелось. И вообще ничего не хотелось – разве что... М-да. К тому же мы были в пляжном наряде, а Люча в столь уеди-

ненной обстановке всегда предпочитала топless. И это вызвало определенные эмоции. Не было необходимости сдерживаться: мы ведь, можно считать, были защищены от чьего угодно любопытства. Так что я положил свободную от игломета ладонь ей на бедро и сказал:

– Может быть, мы немного расслабимся?

– Что бы это ты имел в виду? – поинтересовалась она.

И тут, вместо того чтобы ответить ей, я с маху опустился на колени, затем растянулся на животе.

– Ра! Что с тобой?

– Тсс...

Я лежал так с полминуты. Потом медленно поднялся.

– Голова закружилась?

Я энергично крутанул головой – чтобы доказать, что она не кружится.

– По-моему, я кого-то увидел. Похоже, что тут, чтобы увидеть, надо смотреть низом, между стволами местность просматривается куда лучше, чем на уровне листвы...

– Вообще-то это не совсем листвя. Это...

– Неважно. Подробности потом. Так вот, их было двое.

– На кого они были похожи? Млекопитающие? Рептилии?

– Ты будешь смеяться. На нас с тобой...

– Хочешь сказать, что это были люди? Как интересно.

Первобытные?

– Ровно настолько, насколько и мы. Во всяком случае, судя по одежде и по тому дистанту, что почудился мне на боку

у ближнего к нам парня. Пушка высокой мощности. Кстати, второй в этой паре была, по-моему, женщина. Я, правда, видел их только ниже пояса, но разница бросалась в глаза.

– Ну, конечно, – заявила моя жена неприятным голосом, – если есть хоть малейшая возможность увидеть женскую задницу, уж ты ее никак не упustiшь. Найдешь даже на таком вот краю света...

Обмениваясь подобными репликами, мы продолжали осторожно продвигаться по извилистой тропе. Мне было совершенно непонятно, почему она не проложена по прямой: поверхность везде была одинаково ровной. Но, наверное, были какие-то причины...

Мысль не успела развернуться до конца: помешал послышавшийся звук. Я остановился так внезапно, что Лючана налетела на меня и даже зашипела было от гнева, но тут же стихла.

Потому что звук повторился. Несомненный и достаточно характерный звук, услышать который мы, откровенно говоря, не рассчитывали, во всяком случае до последних минут.

Это был не выстрел, как можно было бы подумать. Оба мы слышали громкий и явно мужской голос. В нем звучали раздражение и обида. А чтобы мы не сомневались, он повторился и в третий раз.

– Оружие к бою! – скомандовал я шепотом. – Это впереди. Продвигаемся без единого звука. Стреляем только в случае опасности для жизни. Вперед!

Мы снова тронулись длинными, скользящими шагами, беззвучно ставя ногу с носка на пятку, так что ни один стелек не хрустнул. «Не надо было, – подумал я, сердясь на самого себя, – принимать во внимание Лючины насмешки, сейчас тут оперкейс вовсе не помешал бы – можно было бы сразу взять пеленг на источник этого звука, и... Хотя тропа, скорее всего, туда и идет, со всеми ее выкрутасами».

Снова голос, судя по интонациям – не лингал, язык общения в пределах Федерации (то есть практически во всей известной нам части Галактики), но армаг, и, похоже, без акцента. Стали выделяться даже отдельные слова. А вот и второй голос – определенно женский. Диалог на повышенных нотах. Такие разговоры нередко кончаются дракой, может быть, даже нешуточной, с телесными повреждениями, а то и... Того и гляди придется оказывать первую помощь, но аптечка осталась там, в лагере, да и вообще мы не ищем общества и светиться нам ни к чему. Надо же иметь такое хреновое счастье: если на всей планете находится два или три десятка людей, – вахта! – то мы обязательно должны на них напороться!.. Что же там, в конце концов, между ними происходит? И что они тут вообще делают? Если верить имеющимся данным, здесь могут находиться только спецы, занятые на производстве удобрений, но в этом краю никакими предприятиями и не пахнет, девственная природа. А если они не с производства, то что они могут искать тут? Улиток на ужин? Или нас? Что мы предпримем, учитывая, что мы

тут в общем-то незаконно, да еще, может быть, и в розыске? Но так или иначе, если там происходит какое-то насилие, мы не сможем не вмешаться...

– Медленно! – прошептал я. – Осторожно. Пригнувшись. По-моему, впереди последний поворот. Я наблюдаю, ты страхуешь.

Добравшись до этого поворота, я выглянул так, как и полагалось: опустившись на грунт и осторожно высунув голову, не поднимая ее. Увидел.

– Ну, что? Что там?

Господи, опять это ее нетерпение. Хотя у нее есть полное право. Я, не оглядываясь, сделал Лючане знак рукой, и через секунду она уже оказалась рядом и точно так же осторожно высунула голову. И чуть ли не расхохоталась, но вовремя придушила этот звук. С первого взгляда было ясно, что в нашем вмешательстве нет и не будет никакой потребности.

– Ра, – дуновением ветерка прошептала Лючана мне в ухо. – По-моему, мы подглядываем. Это нескромно и не порядочно.

Я ответил так же беззвучно:

– С моей стороны – чисто научный интерес. Полезно знать, как делают это люди в таком мире, как Ардиг.

– Ну, я бы сказала, у них все происходит так примитивно...

– Поглядим, как будут развиваться события. Он сейчас явно кинется в атаку – с пикой наперевес.

Снова раздавшиеся голоса, еще более громкие, чем до того, подтвердили мою мысль.

Ах да, я еще не объяснил, что мы увидели. Последний поворот тропинки открыл перед нами небольшую полянку, почти круглую, метров не более пяти в диаметре. И на ней, как на арене, разыгрывалось действие. Нет, тут не было насилия, во всяком случае, пока, а была лишь вполне, по-моему, заурядная попытка мужчины склонить женщину к интимной близости – так, скорее всего, это выглядело бы в протоколе, который, конечно, вряд ли будет когда-нибудь составлен. Оба участника сцены в тропической полевой, военного типа форме, с некоторыми нарушениями: куртка у мужчины, жеребчика лет двадцати трех – двадцати пяти, распахнута, открывая неплохо развитые мускулы груди и пресса, и у женщины – она выглядит явно постарше, как говорится, в самом расцвете, на неполных тридцать, но интуиция подсказывает, что не менее тридцати пяти. Сладкая ягодка. Неудивительно, что этот ходок так распалился. И снова зазвучали голоса. Уже совсем рядом. Достаточно четко.

Женщина: Идо, неужели так трудно понять? Ничего у тебя не выйдет. Ты, по-моему, перетрахал уже всех баб в Системе, я хочу остаться исключением.

Мужчина, увещающе: Маха, все из-за твоего упрямства. Все они – сброд, мне на дух не нужны, они сами раскладываются, а я только от обиды... Ну, пожалуйста. Это будет прекрасно, обещаю. Ты не знаешь, каким я могу быть нежным...

Женщина: И знать не хочу. Ты не забыл случайно, что мы на задании? И что до прилива осталось всего ничего? Меньше часа на поиск, а они ведь где-то тут – я их чувствую, только вот ты мешаешь...

Мужчина: Маха...

Женщина, резко: Руки!

Мужчина, видимо, по имени Идо: Ласковая!..

Женщина, она же Маха, повелительно: Минимат первого градуса Идо! Стоять смирно!

Идо: Маха, это же смешно! Убери дистант!

Маха: Невыполнение приказа при нахождении на задании...

Идо: Господи, какая глупость! Ладно, ладно. Но уж как-нибудь...

Маха: Как-нибудь я попрошу генерал-максимата отстранить тебя и с первым же танкером отправить куда подальше. Ну, успокоился? Прекрасно. Пожалуй, мы успеем еще прочесать это направление, потом придется ставить капсулу на ход...

Подслушивать дальше становилось опасно. Несомненно, они искали именно нас. То есть прежде всего корабль. Спасибо здешней флоре: зеленые стволы вымахали уже выше антенны. Казалось просто невероятным, что они могут еще сохранять вертикальное положение: для такого роста они были слишком уж тонкими.

– Ладно. Отходим... – прошептал я, и мы стали медлен-

но отползать от своего наблюдательного пункта. Потому что просто невозможно было позволить, чтобы несостоявшиеся любовники хотя бы заподозрили, что кто-то наблюдает за их нештатным столкновением. Впрочем, на самом деле мы не имели понятия, как к этому они отнеслись бы: может быть, напротив, им понравилось бы? Потому что не пришлось бы больше нас искать: вот они – мы, тепленькие...

Но, похоже, они все-таки принялись за работу. Поэтому я решил не задерживаться, а со всей допустимой скоростью возвратиться к нашему еще недооборудованному лагерю. Однако у Лючаны неожиданно возникло другое мнение.

– Ра, – сказала она. – Эта парочка ушла и вряд ли вернется.

– Надеюсь, что нет, – согласился я.

– Пусть отойдут подальше. Мы ведь не знаем, по прямой ли, зигзагом или еще как-нибудь они ходят. Обождем здесь, тут наверняка мы не наткнемся на них, а они – на нас.

– Гм... – изрек я задумчиво.

– И потом... тут такое хорошее местечко – уютное, даже, пожалуй, располагающее...

– К чему?

– К тому, – сказала она. – Думаешь, он случайно тут к ней полез?

«Временами, – подумал я, – Люча выражается слишком уж, так сказать, неделикатно. Полез! Могла бы сформулировать и помягче».

– И пахнет как сильно! – добавила она.

Я и сам почувствовал, каким сильным был здесь все тот же ардигский аромат, определенно каким-то образом влиявший на физиологию, если не на психику. И подумал: как бы ни выражалась моя милая, но, по сути, придумала хорошо. В конце концов, мы прилетели отдохнуть и, станут нас искать или нет, собирались предаться именно этому занятию, если, конечно, ничто не помешает.

Впрочем, я был сейчас почти уверен, что беспокоить нас не станут. У наших возможных преследователей существовало, как я успел понять, какое-то ограничение во времени. Может быть, им надо было возвращаться на производство, становиться ко всяким станкам и машинам – хотя, скорее, садиться к ним, сейчас уже давно никто не правит вахту на ногах. Прогресс. Так или иначе, у них времени было в обрез, а у нас – хоть завались.

Так, во всяком случае, считал я в те минуты.

– Похоже, этот мальчик все-таки был прав, – пробормотала Лючана в полудреме. – Я его понимаю. Давно уже я так себя не чувствовала...

Так прекрасно – вот что она имела в виду. И была права. Вообще, если подумать, за достаточно долгие годы нашего брака таких дней, даже если не полагаться на естественную память, а порыться в летописи, что исправно вели наши мики, найдется в лучшем случае десятка полтора, и они разбросаны по разным годам и месяцам, уместаясь в коротеньких промежутках между окончанием одной операции и началом следующей. Иными словами, из полагающегося вроде бы медового месяца мы не использовали и половины – и вот сейчас возникла возможность разом наверстать все упущенное. Во всяком случае, последний час, проведенный на полянке среди кустарника, на пяточке любви, как уже успела окрестить это местечко Люча, сулил именно такое развитие событий.

Мы лежали обнявшись, отдыхая, наслаждаясь послевкусием любви, теплой тенью от кустов, принимавших на себя удары прямых солнечных лучей, отсутствием кусачих насекомых, некусачих тоже и вообще всего, что могло бы помешать полному и давно желанному расслаблению. Радовавший нас аромат, которым был пропитан воздух, казалось, все

усиливался, и я подумал, что вот так можно провести и целый месяц – и этого не покажется слишком много, а смысл жизни заключается именно в таком, отключенном от всего мира времяпрепровождении, когда это самое время даже не замечаешь, оно перестает существовать. Никакие заботы повседневности не отвлекают от простых и глубоких мыслей, которые ощущаешь, хотя и вряд ли можешь выразить словами; не мысли скорее и не просто чувства, а какое-то ощущение, которому нет имени – люди еще не сумели назвать его, а значит – овладеть им, и оно приходит лишь тогда, когда само захочет – как вот сейчас, например...

Словом, такая благодать была вокруг, что даже та частица моего «я», которой полагалось постоянно бдеть, чтобы при малейшем подозрении подать сигнал тревоги, даже эта частица задремала во мне, хотя мое состояние не было медитативным, а только при медитации можно позволить себе такую незащищенность, потому что тогда тебя охраняют другие, куда более могущественные. Но сейчас все вокруг так и источало волны мира и надежности, и я вслед за Лючей забылся в редком и чудесном ощущении счастья.

Забывье было невероятно сладким, какое возникает, наверное, лишь у детей, еще не научившихся разграничивать себя от остального мира, и мы были сейчас как дети, к тому же нас еще и стали покачивать (почудилось мне), медленно, плавно, усыпляя, как если бы мы оказались вдруг в колыбели. И это сопровождалось песней, колыбельной песней

без слов, но с очень выразительной, ласковой мелодией. В таком состоянии наши тонкие тела могут покинуть плоть и пуститься в мгновенный облет Вселенной, наслаждаясь чувством полной свободы и единения со всем высоким, чем наполнен обычно не воспринимаемый нами мир...

...Комаров здесь, как уже сказано, не было, но что-то начало вдруг противно зудеть, колоть и помешало совершенно раствориться в качающемся мире. Ленъ было пошевелить рукой, чтобы отогнать это «что-то», к тому же руки мои обнимали Лючану и им очень не хотелось делать что-нибудь другое. Я все-таки заставил одну оторваться от теплого и родного тела жены и изобразить пару вялых движений в воздухе. Зудеть, однако, не перестало; напротив, звук вместе с неприятным ощущением усилился, во мне возникла клеточка досады и тут же стала стремительно делиться, разрастаясь, заставляя вспомнить, что кроме нас двоих в мире существовало еще множество всяческих явлений...

Понимание возникло как взрыв, как падение в холодную воду, заставило рывком сесть и включить все свои рефлексy на полную мощность, чтобы понять: это неведомое существовало и в мире грубых физических тел и явлений.

Нас и в самом деле колыхало. Все то, что нас окружало и на чем мы лежали, а именно – толстый слой примятой еще до нас высокой травы. Медленными, широкими качками, все усиливающимися, так что почувствовалось даже легкое головокружение. И песня была, только теперь я не назвал бы ее

колыбельной. То был боевой клич природы, самого Океана, голос ветра, низкий, но все повышающийся. Воздух над полянкой не пребывал более в истомной неподвижности, но засуетился, бросаясь из стороны в сторону, отражаясь от стены кустарника, теперь уже не уверенно-неподвижной, но объятый крупной дрожью, которая вряд ли идет на пользу этим хрупким растениям. И в самом деле: вот уже начали падать ветки, или то, что было похоже на ветки, и, значит...

Землетрясение?! Вот уж везет, как утопленникам...

– Ра! – донеслось снизу удивленно-озабоченное. – Тут вода! Мне мокро!

– Вставай! – и я протянул руку, чтобы помочь Лючане побыстрее принять вертикальное положение. Расставил ноги пошире, чтобы устоять: почва теперь ходила под ногами, словно палуба небольшого корабля при очень свежем ветре. Песня все более походила на вой. А вода, которой испугалась Лючана, уже покрыла всю полянку, и теперь мы уже стояли в ней по щиколотку.

– Бегом к лагерю!

Это пришлось прокричать ей в самое ухо, нормальный голос не был бы услышан: ветер выл теперь, как расположенная по соседству батарея сирен, стремящаяся своим воем подавить психику противника, его волю к сопротивлению.

– Держись за меня! – Я протянул ей руку, и Лючана крепко сжала мою ладонь. – Смотри под ноги!

Это было легче сказать, чем сделать, потому что небо с

необычайной скоростью затягивали мрачайшие тучи и с каждым мгновением наползающая темнота становилась все гуще. Ветер, как я понял, шел с оста и нес холодный воздух, я ощутил кожей прохладу. Но это сейчас казалось лишь мелкой неприятностью. Низко летевшие тучи обещали дождь, но и это не очень пугало – во всяком случае, пока он не начался. Все это были мелочи жизни.

Главное же мы увидели слишком поздно – тогда, когда оно уже нависло над нами и никакой возможности укрыться от него больше не оставалось. Да, собственно, ее, этой возможности, не было и раньше.

То, что нависло над нами, было волной. Однако слово это не дает никакого представления о том, что мы увидели, подобно тому, как характеристика «четвероногое млекопитающее» равно применима и к мыши, и к слону и никакой конкретной картины в воображении не вызывает. «Цунами» было бы значительно ближе к увиденному нами, но и это слово в тот миг показалось бы мне слишком мелким – если бы, конечно, я тогда был способен мыслить словами.

Думать, однако, было некогда ни о происхождении этой угрозы и вообще ни о чем, кроме одного: спастись! Но как?

Эта невероятная вода – летящее море, так, может быть, следовало его именовать – гнала перед собой малую воду, не она сама, конечно, но вызванный ею ветер, масса воздуха, которую волна толкала, вытесняя из нужного ей пространства. И хотя волна фактически (это я понял только потом)

была вовсе не так близко, как показалось из-за ее гигантской высоты, но эта предшествующая ей малая вода поднималась все выше и выше; таким вот странным образом удовлетворялось наше желание искупаться. Купание оказалось, так сказать, с доставкой на дом.

И еще я успел на мгновение вспомнить о потопе из Писания. Да, вот это больше всего подходит. Но от этого нам не легче.

Еще хуже оказалось то, что заросли кустарника, еще недавно казавшиеся чуть ли не высыхающими под жарким солнцем, с появлением воды стали прямо на глазах наливать массу и больше не падали под все нарастающим ветром, но, наоборот, как бы встряхивались и шире и свободнее расправляли свои ветки, а стволы квази-деревьев, только что казавшиеся безнадежно высохшими, точно так же оживали и вовсе не собирались ломаться, падать, выдираться с корнями; наоборот, создавалось впечатление, что они только этой погодки и ждали. И это, как почудилось мне, давало какую-то надежду уцелеть: раз лес собирается выстоять, то, может быть, и нас укроет от удара все приближающегося, вставшего на дыбы океана? Если мы окажемся с ним лицом к лицу, вряд ли нам удастся действовать по своей воле. Он если не расплющит нас о стволы или о грунт (если деревья смогут хоть как-то смягчить удар), то, во всяком случае, понесет нас неизвестно куда. Единственным нашим укрытием мог оказаться корабль – и до него нужно было добраться во

что бы то ни стало.

– Ох!

Кажется, мы с Лючей одновременно издали такой возглас, потому что одновременно оба оказались на земле. Мы упали не потому, что споткнулись о какое-то препятствие, на самом деле просто грунт под нашими ногами не был ровным, это была не городская площадь, а природа любит кривые линии. И тут начался крутой, пусть и не очень протяженный склон, мы его не заметили, и удержаться на ногах не было никакой возможности, мы упали и тут же покатались вниз, плюхнулись в воду – ее изрядно прибавилось за последние мгновения, но она, к счастью, была еще по-дневному теплой, – и если бы грунт так и остался круто наклоненным, нас наверняка смыло бы в море. Но скат уперся в плоскость, и мы смогли подняться на ноги, оказавшись по колено в воде, хотя, собственно, не в воде, а в густом супе из накрошенных обломков кустарника. Вряд ли нужно пояснять, что тропы, по которой мы шли, уже не существовало и у нас исчезло представление о направлении, которого следовало придерживаться. Из всех чудес техники при нас еще оставались иглометы и ножи, но ни те, ни другие не могли указать верную дорогу к кораблю. Я попытался было определиться при помощи компаса, входившего в систему несъемного «браслета выживания»; стрелка его слабо светилась. Но она лихо исполняла хула-хуп; ветер с оста теперь, как мне показалось, заходил к норду. Сориентироваться по звездам было невоз-

можно, потому что не было звезд – до ночи еще далеко, да и наступи она сейчас, небо все гуще закрывали тучи, и, быть может, увидеть звезды нам никогда больше не придется.

А впрочем, никогда не говори «никогда»...

– Идем! Только не стоять на месте!

– Ра, но куда же мы идем? Где мы оставили корабль? Где лагерь?

– А черт его знает.

– Слушай, может быть, мы как-нибудь... Идти больше нельзя. Только плыть.

И в самом деле – вода уже была нам по грудь.

– Выйдем на чистое местечко тогда. Тут нас задержат кусты.

– Что это: прилив такой? Или ветром нагнало столько воды?

– Разберемся. Все же придется вплавь. И надень маску уже сейчас. Готова? Потому что этот девяносто девятый вал нас вот-вот...

– Да. (Не очень четко, уже сквозь маску.)

Плыть в таких условиях и при этом держаться за руки, как понимает всякий, дело невозможное. Пришлось расцепить пальцы.

– Главное – быть рядом. Не потерять друг друга в такой темноте...

Все это по-прежнему приходилось орать: ветер сейчас гремел, как спятивший с ума большой симфонический ор-

кестр, лишенный дирижера.

– А если что...

– Не слышу-у!

И в этот миг бешеный океан все-таки настиг нас. Закручиваясь, господним молотом навис. Сейчас ударит...

– Ныряй! Вцепляйся в ствол что есть сил! Иначе...

Договорить не хватило времени. Нас накрыло. Нет, это была не вода, хотя химики, может быть, со мною и не согласились бы. Это был жидкий камень, и я на долгие минуты был затянут в его середину, застыл в ней, как муха в янтаре. Вроде бы чем-то я получил по затылку, кажется и не единожды. Отключился не более чем на секунду-другую. Так, во всяком случае, мне показалось. Но когда очнулся, вокруг меня не было уже ни леса, ни... Вообще ничего, кроме воды, быстрой, несущейся, клубящейся воды.

Придя в себя, не очень надеясь, я все же позвал:

– Люча! Лю-у!

– У-у-у-у-у!..

Но это не она и не эхо. Это ветер. А может быть, все же Лючана – одинокая, растерявшаяся, теряющая уверенность, испугавшаяся за меня больше, чем за самое себя, зовет из последних сил?

Черта с два услышишь в таком ветре. Кажется, он больше не усиливается. Но от этого не легче. Один в штормовом море. Но это полбеды. Все наше снаряжение, конечно, пропало. Это – четверть беды. Но вот Люча осталась одна в этой

чертовщине – это самая большая беда. Надо найти ее! Я буду держаться по возможности здесь и орать, орать, пока... Пока не исчерпает свой ресурс маска и останется только пойти ко дну. Все равно ничего другого нельзя предпринять. Орать изо всей мочи.

– Люча-а-наа!

– У-у-у-у-у...

Глава четвертая

1

Наверное, я все же вырубился не на секунды, а болтался без сознания куда дольше, и меня тем временем швыряло и лупило, а если кто-нибудь думает, что ветер в союзе с волной не могут обработать человека похлеще, чем на ринге – чемпион мира по боксу, то он ни черта в таких делах не понимает. То есть сознание продолжало утверждать, что меня тут не было совсем недолго, но у мика был свой хронометр, работающий независимо от ощущений, и он утверждал, что меня мотало, как пробку, никак не менее получаса. А полчаса – это очень мало для счастья, но более чем достаточно для беды, которой порой хватает и мгновения, чтобы все пошло к чертям. Полчаса – это страшно много для несчастья.

Полчаса – это значит, что одна треть ресурса дыхательной маски уже израсходована без всякой пользы, если, конечно, не считать пользой то, что я остался в живых. Если кто-то не знает, напомню: наша дышалка (это профессиональный сленг) больше всего напоминает медицинскую маску, какую надевают, скажем, хирурги во время операции. Этакий лоскутик с завязочками. Правда, у десантной маски сходство с докторской внешним видом и исчерпывается; она сдела-

на совсем из других материалов и, в принципе, работает, как рыбы жабры: извлекает растворенный в воде кислород и позволяет, находясь на глубине, дышать им. Но не более полутора часов, на большее ее энергии не хватает. Значит, у меня остается еще час времени на все про все. Не знаю, много это или мало.

Но делать все надо быстро: пусть лучше останется резерв, чем ресурс исчерпается именно тогда, когда он больше всего будет нужен, а так оно, как правило, и бывает.

Начать с того, что нужно быстро и безошибочно думать.

Что главное сейчас? Лючана.

Что с нею случилось или могло случиться? Ветер и волны расшвыряли нас в разные стороны; может быть, расстояние между нами вначале и было совсем маленьким, но в обстановке, когда волны налетали, казалось, со всех сторон одновременно, ночной мрак не позволил бы увидеть ничего, даже будь море спокойным, а слышать можно было только завывание урагана – в такой обстановке мы не нашли бы друг друга даже на расстоянии вытянутой руки. То есть, думаю, я ощутил бы ее присутствие, но, как вы уже знаете, я был не в себе. Итак, что с ней могло произойти?

Самую плохую мысль я отбросил сразу же: у Лючи была при себе такая же маска, и она, конечно, не забыла ею воспользоваться. Многое зависело от того, успела ли она понять, что меня вырубило, или считала, что я действую осознанно и целеустремленно. Думаю, не успела. Если бы поня-

ла, то сообразила бы и то, что раз я не могу двигаться самостоятельно, но лишь по воле стихий, то и ей нужно поступать так же: держаться по возможности на поверхности, ждать, пока не стихнет шторм, и уже после этого начинать разыскивать меня. Но она этого не знала, и ей пришлось тогда решать такую же задачу, какая сейчас встала передо мною: угадать – или вычислить, – куда я стану двигаться и с какой целью, и затем самой направиться туда же.

Но – куда именно?

Первым делом каждый из нас должен был найти в этой бушующей сумятице сил природы какую-то опору, более надежную, чем вода. Конечно, оба мы умели плавать достаточно хорошо; если и не на скорость, то, во всяком случае, в соревновании на продолжительность могли бы поспорить с профессионалами. Но каким бы ни было это умение, вода все-таки – не наша стихия. Пусть мы когда-то и вышли, как принято говорить, из океана, но возвращаться в него как-то не очень торопимся. Да, человек может держаться на поверхности, пока не наглотается воды: он обладает положительной плавучестью. Но, чтобы не наглотаться, он должен постоянно расходовать энергию – если только не лежит на спине в искусственном, укрытом от волн и ветров бассейне. А запас энергии конечен не только у маски, но и у самого человека. Для его пополнения человек должен что-то съесть; но хотя мы уже можем – через маску – дышать водой, мы еще не научились питаться, подобно усатым китам, выцеженным

из воды планктоном. Кстати, здесь по этой части было, похоже, не очень-то богато. А ловить в воде рыбу (если она вообще тут водится) голыми руками – если только она не валит толпой к своему нерестилищу – дело в общем-то безнадежное. Итак, нужна твердая почва под ногами хотя бы для того, чтобы спокойно продумать последующие шаги. Почва. Грунт. Основание. Где его следовало искать и Лючане, и мне самому?

(Обстоятельно я размышлял, правда? Но это иллюзия, на самом деле все это заняло считанные секунды. Потому что я не пытался облекать возникающие мысли в слова – что делаю сейчас только ради общения с вами, – а именно этот процесс, так сказать, оцифровки мыслей отнимает больше всего времени, тогда как самому думающему он не нужен, мысль свою он ощущает в ее первичной форме, всю целиком – крохотный элемент великого поля.)

Основанием мог стать только корабль. «Триолет». Он где-то тут был. Да весь вышел. Как и что можно сделать, чтобы хоть как-то сообщить кораблю о себе? Где вообще его искать? Скотина ты, «Триолет»: ты ведь заранее знал о предстоящем и потому так усердно ввинчивался в грунт, чтобы выстоять, не позволить налетающему океану сделать из тебя поплавок, швырять куда попало – хотя бы приложить о дно, да, теперь это уже дно – то, что мы с Лючей считали поверхностью... И это дает надежду. Во-первых, на то, что «Триолет» позаботился о спасении самого себя: это в нем заложено

но. И во-вторых, заложено и спасение связанных с кораблем людей, то есть нас с Лючей. Надо надеяться, что «Триолет» сообразил: искать нас нужно на поверхности. И как ввинтился, так, переждав волну, и вывинтился, всплыл и теперь плавает где-нибудь тут, надо надеяться, поблизости...

Каждый раз, поднимаясь на гребне очередной волны, я старался – теперь уже разбудив свой третий глаз, потому что два обычных пока еще ничем не могли мне помочь, – увидеть в воде хоть макушку корабля. Но ее не было. На поверхности, во всяком случае. Будь мы с Лючей разумными людьми (а сейчас я уже стал серьезно сомневаться в этом), мы не проявили бы такого пренебрежения старым правилом: перед тем как войти куда-нибудь, подумай, как ты будешь оттуда выходить. Мы эту норму поведения прекрасно знали. И то, что не проработали в мыслях всех возможных вариантов развития событий, свидетельствует только об одном: мы были немножко не в своем уме. Хотя, может быть, и немножко. Сверх допустимой нормы, во всяком случае. Мы бросились в расслабление и отдых очертя голову, нам так давно хотелось всего этого, мы так к этому стремились, что полетели черт знает куда – а нормальный, профессиональный, здравый смысл упрятали на самое дно своих чемоданов. А ведь перед каждым таким поступком, сильно смахивающим на авантюру, полагается просчитать все возможности, начиная с лежащих на поверхности и кончая совершенно невероятными. Следовало ли нам, к примеру, выработать схему

действий при урагане? Безусловно, пусть никаким штормом вроде бы и не пахло, но мы ведь не знали законов и традиций этого мира – значит, обязаны были предположить и прокаликулировать такую возможность. Просчитать и такой вариант и наметить план спасения...

Словом, сами виноваты. Но сейчас от этого не легче. Мне, во всяком случае. И ей наверняка тоже. Конечно, если Люча жива...

«Жива, жива! – тут же гневно оборвал я себя. – Нет никаких причин ей погибнуть. Ты же вот жив!»

Размышляя на этот счет, я уже успел просканировать третьим глазом не менее четверти горизонта, по-прежнему взлетая на гребнях волн. При этом заметил, что ураган явно пошел на спад. Видимо, сверхволна ушла своей дорогой дальше, а вот вода осталась. Тем не менее сейчас, пожалуй, зов можно было бы услышать – только никаких криков не возникало. И волны уже теряли высоту и потому становились более плавными. Небо все более прояснялось, позволяя различать кое-что и простым глазом. Вот только различать было нечего. Разве что звезды в небе, но до них было очень далеко.

Я невольно покачал головой. Нет, не надо было нам лететь на этом чуде техники. Не имея опыта службы на таких кораблях вообще, не зная характера, привычек, слабых мест, придурей и проблесков гениальности именно этого экземпляра, очень трудно, почти невозможно точно предугадать его са-

мостоятельные действия. Вот если бы...

Но, собственно, чего я зря ломаю голову? Не надо размышлять о корабле, надо просто найти его. Тем более что Лючана наверняка опередила меня и сейчас уже подплывает к нему... Не собираюсь же я уступить ей!

Чтобы найти, следует понять: где он.

А чтобы...

И вдруг я понял, это получилось как бы само собой, очень легко и просто.

То, что мы оставили корабль, предоставив ему возможность действовать по собственному усмотрению, могло иметь и другие последствия, и прежде всего то, что он не станет нас разыскивать, но будет ожидать, пока мы сами к нему не возвратимся. Дальше. Поскольку наступила ночь, он обязан включить навигационные огни, на это ему команда не нужна, это в него заложено, как безусловный рефлекс. И его топовую мигалку я уже мог бы увидеть. Поднятая достаточно высоко над уровнем моря, она должна быть заметной с расстояния в десяток миль, если не больше. Не могло ведь меня за прошедшие... сколько? Да почти за час – отнести дальше чем на десять миль от места, где находился корабль?

Исходная позиция всех корабельных разработок заключается в том, что его безопасность является и безопасностью людей на его борту. Он ведь создан для того, чтобы люди находились и действовали внутри него, а не по принципу «суп отдельно, мухи отдельно». Итак, будучи предоставлен свое-

му разумению и не имея никаких запретов, в подобной обстановке он будет спасать самого себя.

Ну а что он сделает для этого? Вернее, что сделал?

Даже мне, не профессионалу в этом деле, ясно: уйдет на глубину. Вот смысл слова «всестихийный»: повстречается земля – сядет на землю, вода – на воду, морское дно – ну что же, сядет и на дно. И правильно. Это на поверхности разыгрывается конец света, а на тех же ста метрах глубины, после того как свехволна миновала, тишь да благодать. Да и почему сто? Уже на пятидесяти...

Хотя, собственно, для нас велика ли разница – сто или пятьдесят? Ни Люче, ни мне на такую глубину не опуститься. Живыми, во всяком случае. Мы на это не тренированы. Остается надежда, что «Триолет» погрузился ровно настолько, чтобы находиться в спокойной воде, а по мере того как волнение на поверхности станет стихать, он будет подниматься все выше, и, может быть...

Стоп. Стоп!

У компьютера, значит, хватило ума уйти туда, где не таранят волны и не уносит ветер: укрыться на глубине. А мы оказались глупее, боязнь глубины сработала в нас, наверное, сильнее, чем здравый смысл. На самом-то деле мы можем дышать и под водой, но это как-то еще не сделалось рефлексом, не было у нас такой практики, вот и позволили стихиям играть нами, как воланчиками, почувствовали, что приходится терпеть теннисному мячику в разгар гейма...

Хотя почему это я злоупотребляю множественным числом? Да, ко мне все это относится целиком и полностью. Но не к Лючане! Она наверняка оказалась умнее: потеряв меня, сообразила, куда нужно бежать, и ушла на погружение, рассчитывая к тому же, что я окажусь не глупее нее. Похоже, что она меня переоценила. Мне это пришло в голову вот только сию минуту.

Нет никакого смысла искать ее там, где ее нет. Вниз, вниз! Правда, там сейчас еще темнее, чем тут; но корабль просто обязан обозначить себя какими-то сигналами, он станет нашей целью, и около него мы с Лючей и встретимся. Возле него или, скорее, уже в нем: верхним люком (вспомнил я усвоенное при инструктаже) можно пользоваться не только в космосе, но и в подводном положении, он оборудован тамбуром, в который тыходишь вместе с водой, потом она выдавливается наружу (в космосе, наоборот, нагнетается воздух), и ты...

Я работал руками и ногами со всей силой, какая у меня еще оставалась, и с восторгом ощущал, как с каждым гребком вода вокруг меня становится все спокойнее, превращается из смертельного врага в то, чем представлялась всю жизнь: в дружелюбную, спокойную, ласковую среду... Я понимал, что глубина, на которой я смогу оставаться, пока работает маска, не столь и велика, да и ресурса маски осталось менее чем на полчаса. Но полчаса – это множество минут, а уж секунд прямо целый мешок, и все, что требуется, –

это не потратить их зря, но постоянно искать тот сигнал, который «Триолет» подает для своего экипажа. Подает, обязательно подает, не может это оказаться не заложенным в его программу!

Подает, наверное, вот только я никак не могу его поймать. И затрудняюсь даже предположить, как он должен выглядеть. Световой? Акустический? Радио? Еще какой-нибудь?

2

Настроение у человека может меняться намного быстрее, чем окружающая обстановка. Ничего удивительного: оно же не материально, не обладает инерцией. И мое состояние изменилось мгновенно, как только в голове возникла одна-единственная, простая и убийственная мысль: корабль, который я пытаюсь найти – и нас с Лючей вместе с ним, – разыскивают те, кто несет тут какую-то службу – например, отрабатывает рабочие вахты. Значит, те сигналы, которые я сейчас пытаюсь уловить, будь они поданы, с таким же успехом может принять и противник, и «Триолету» это прекрасно известно. Так что таких сигналов – «Всем, всем» – он просто не имеет права подавать. И не подает. Выходит, сколько бы я ни искал, я их не увижу, не услышу, не почувствую. Значит – конец.

Конец мне. Ну, винить некого: сам себе устроил такое. Поступил как недоумок. Сунулся в воду, не поискав броду. Но ведь ты и Лючану втянул в эту авантюру, она-то в чем провинилась? Только в том, что чрезмерно понадеялась на меня, поверила в меня, а я оказался недоумком...

Ладно, пусть я получу, что заработал. Согласен погибнуть. Но! Слышишь, судьба, слышите, Высшие силы, но только после того, как буду уверен, что Люче удалось спастись, что она в безопасности и сможет в конце концов вер-

нуться домой, вновь оказаться в том самом доме, от которого мы так стремились удрать и который сейчас представился мне если и не раем, то, во всяком случае, его филиалом, расположенным на Теллусе.

Так я кричал – мысленно, конечно, и не столько для того, чтобы меня действительно услышали, но прежде всего, наверное, чтобы испугать чувство, все более овладевавшее мною: чувство страха смерти, которое живет в каждом человеке и ждет только удобного момента, чтобы заявить о себе, дать понять, кто тут главный, повернуть все по-своему. Всю жизнь я побеждал его, а вот сейчас...

Ох, какой это сильный противник! Не могу даже вновь активировать третий глаз, для этого нужно спокойное состояние души – да как мне сейчас обрести его?

Я чувствовал, что окончательно теряю контроль над собой и вот-вот окажусь уже созревшим для того, чтобы сорвать маску, заключавшую в себе остаток моей жизни, и крикнуть этому страху: «Ну, на, жри меня!» Лишь в каком-то уголке сознания ютился еще здравый смысл, что-то такое нашептывавший мне, но так тихо, что ему, казалось, так и не удастся перекрыть громогласие смертельного страха. Прислушайся, сказал я себе, пусть это хотя бы станет твоим последним усилием...

Насчет глубины – что-то такое было там, в инструктивной программе. Вот что он пытается мне вдолбить.

Ну, что-то, наверное, было. Но какой смысл мне сейчас...

«Мик! Твой мик!».

Бедный мой вживленный микрокомпьютер. Я совсем позабыл о нем – его сигналы, достаточно слабые, просто не могли пробиться сквозь ураган страха, несший меня сейчас. По-зор. Если выживу, никогда и никому не расскажу о том, как я постыдно... Ни словечка. Конечно же, мик!

«Мик! Программу спасения! Срочно!»

Он-то не подвергнут страху, к счастью. Его логику не разрушить ужасу.

«Выполняю».

И уже в следующую секунду выдал мне из своей памяти то, что было в нее скачано полковником Службы при кратком предполетном инструктаже и на что мое сознание не обратило тогда никакого внимания – как, впрочем, и на все остальное:

«Ситуация одиннадцатая. Общение с кораблем при нахождении его в погруженном состоянии. Одиннадцать-один: экипаж находится на поверхности...» Не нужно: я не на поверхности. Дальше! «Одиннадцать-два: экипаж находится в погруженном состоянии в отдалении от корабля». Вот-вот. Давай!

«В ситуации одиннадцать-два связь с вирт-капом устанавливается при помощи портативного пульта...»

Господи! Пульт этот вместе со всем нашим пляжным снаряжением то ли уже лежит на дне, то ли находится на верном пути туда. Это не выход!

– Давай дальше!

«В случае отсутствия или повреждения пульта вирт-капу подается команда обозначить его местонахождение короткими импульсами сонарного маяка, чьи сигналы принимаются обязательным браслетом и показывают направление на корабль и расстояние до него...»

Браслет! Вседержитель, как это прекрасно, что он сделан несъемным! И захочешь потерять его, не сможешь. Только вот как же подать ему такую команду? Мелочь, но очень существенная! Что он там?

«Команда вирт-капу подается нажатием зеленой точки на браслете».

Ага! Жаль только, что в этой мгле все цвета одинаковы. Но уж с этим-то мы как-нибудь постараемся справиться. Да и должно же там быть еще что-то, инструкцию составляли умные люди, не мне чета.

«Подсветка точек осуществляется при необходимости двойным нажатием на прилегающую к руке плоскость корпуса браслета».

Все очень просто. Если только эта спасительная хреновина не повредилась, когда меня швыряло по морям, по волнам.

Представляете – не повредилась. Живут же люди!..

Нажим, еще нажим. Горит! Тускло, но горит. Жмем на нее. И смотрим, очень внимательно смотрим на браслет, на его индикаторную шкалу. Смотрим. Но без толку. Она мол-

чит, как мертвенькая. Не показывает ну абсолютно ничего.

– Мик, это все, к чертям, не работает!

Он отозвался сразу же:

«Сигнал сонарного маяка является остронаправленным, после включения он приступает к скоростному сканированию окружающей среды, которое ведется до момента контакта с приемным устройством браслета, после чего последний высвечивает искомые направление и расстояние».

Ага: никакой паники. Ему нужно время, чтобы меня обнаружить. Надо спокойно обождать.

Спокойствие, оказывается, вовсе не всегда полезно. Сейчас страх смерти быстро уползает в свое всегдашнее убежище, какую-то каморку под лестницей.

А возвращающееся спокойствие дает сразу почувствовать и осознать, что здесь, на глубине, прохладно. И это еще мягко сказано. Дрожь уже пробегает по телу. Ничего удивительного: снаряжение мое – пляжное, для загорания и купания в теплом поверхностном, хорошо прогретом слое. Пока тут господствовал страх, такие пустяки, как холод, не чувствовались, зато теперь – пожалуйста. Словно обиженная женщина: ты позволил себе забыть обо мне? Вот и получай теперь за это...

Но это, скажем так, лишь одна треть неприятностей. А другие две трети заключаются в том, что моя чудесная маска, как говорится, дышит на ладан. Вообще-то у нее было право забастовать и раньше, мы уже где-то за пределами ее ресурса.

Хорошо, что у нас стараются все сделать с запасом. Но сейчас и этот запас истекает. Лечу с сухими баками. Нет, возможность разбиться мне не грозит. Но и задохнуться – судьба не лучшая. Где ты там шаршишь, корабль? В какой стороне, под какими углами? Поторопись, милый. Интересно, кстати, а если ты меня найдешь уже холодненьким – станешь втаскивать меня на борт или оставишь на дне, куда я неизбежно опущусь, – только выполнишь установленные формальности? Нет, капитан «Триолет», Лючана тебе не позволит! Она теперь будет твоим адмиралом, она наверняка сейчас уже сидит в рубке – надеюсь только, что ей не придет в голову взять операцию моего спасения в свои руки: твоей программе я верю как-то больше. Слышишь, Люча, ни в коем случае...

Вот! Вот оно! Есть!

Загорелась на браслете тоненькая стрелочка. Это – направление. А сбоку высветились и цифирки: 326. Рассчитано на профессионалов, поэтому даже не обозначено, чего именно триста двадцать шесть: футов? метров? Надеюсь только, что не кабельтовых и уж давно не миль. Но все равно – очень много, слишком много...

Дышится. Трудно. Кислородное. Голодание. Наступило. Пока не. Отключился. Возьми направление. Мик. Я плыву. Держи. Курс. Плыви. Мною...

Сознание ускользало, как воздух из разгерметизированного корабля. Через тонкую, как булавочный укол, дырочку.

Это не больно.

...Давай, мик, действуй, не сачкуй...

Светло, тихо и сухо.

Таким был мир, в котором я очнулся: светлым, тихим и сухим.

Но, наверное, были у него и еще какие-то свойства. И для того чтобы разобраться в них, я с трудом поднял голову и стал поворачивать ее туда и сюда. Каждый предмет, попадавший в поле зрения, я как будто видел впервые; так, во всяком случае, мне казалось. Но, сосредоточив на нем все свое внимание, я через секунду-другую узнавал его. Ага, вот это – стена. Вернее, переборка, так полагается называть это здесь. А на это больно смотреть. Потолочный плафон. Освещение. В углу что-то, на чем сидят. Нет, нет. Другое. Что-то такое, в чем лежат. Но я лежу не там. Ничего, я вот-вот догадаюсь. Надо только сконцентрироваться. Да, понял, понял: это кокон – в нем полагается быть во время разгона человеку, не находящемуся на вахте. Ну понятно, я на корабле. Приятно ощущать, как плотная пелена забытья расплзается, рвется на клочья и улетает куда-то, словно бы ее выгоняет мощным вентилятором. Я на корабле. Но я и должен здесь быть. Значит, все в порядке?

Мое сознание все еще находилось как бы в растворе, но кристаллизация шла все быстрее, я вспоминал все больше и был в состоянии уже восстановить в памяти события, проис-

ходившие совсем недавно, а затем и представить себе то, что состоялось уже тогда, когда я находился в отключке.

Картина представлялась ясной. Меня все-таки вытащили из воды. Спасли. Кто? Лючана, конечно; нас здесь только двое, так что больше некому было совершить такой благородный поступок. Самое удивительное, я еще там, в воде, знал, что она успеет сюда раньше моего, не дожидаясь, пока маска израсходует последние эрги своего заряда. Молодец, Люча, мысленно похвалил я ее. Всегда знал, что на тебя можно положиться.

Но такие вещи лучше говорить не заочно, а глядя прямо в глаза того, кому адресована похвала. Да и вообще – я так давно не видел жену. Сто лет, никак не меньше. Хотя и не следует вроде бы отрывать ее от обязанностей по кораблю, но я ненадолго, совсем ненадолго, а как только окончательно приду в себя, то сразу же подменю ее за пультом...

И я позвал:

– Люча! Лю-у!

Нет, это и не зов вовсе, а так – смахивает на шелест сухих листьев...

– Люча!!

Уже более прилично. Это она должна услышать – если только... Ну да: если трансляция включена. Наверняка выключена, иначе я уже если бы и не увидел ее, то, во всяком случае, услышал шаги – быстрые, уверенные...

Но ничего подобного нет. Может, у меня что-то стряслось

со слухом? После такого купания все возможно. Сам-то я свой голос слышу прекрасно, но звук этот проходит по костям черепа, а как с внешними сигналами?

Я чувствовал себя все лучше и смог наконец не только сесть на койке, но и подняться на ноги – не так уверенно, правда, как рассчитывал. Растопырив руки для баланса, приблизился к иконостасу репитеров на переборке. Зеленый огонек показывал, что голосовая связь с рубкой включена – собственно, в капитанской каюте она никогда и не должна выключаться, а я находился именно в этих апартаментах. Нет, Люча должна услышать. Может быть, с нею тоже не все в порядке? В конце концов, она не отдыхала тут, а прошла через то же, что и я, так что, вполне может быть, выудила меня – и расслабилась, забылась где-нибудь в пилотском кресле.

– Да Люча же! Откликнись! Спишь?

И, в очередной раз не получив ответа, я почувствовал: нет, тут что-то не так. Интуиция посылала тревожные сигналы. Все, хватит тебе бездельничать, горе-курортник!

– «Триолет»!

«Нахожусь в режиме выжидания. Обстановка спокойная. Внимательно слушаю».

– Где второй пассажир?

«Нет информации».

Вот еще новость! Может, и «Триолет» немножко того? Ни одно устройство не гарантировано от сбоев. Давай-ка ноги в руки – и побежали в рубку! Побежали – это было слишком

уж лихо сказано, поковыляли – куда точнее. К счастью, внутри корабля нет больших расстояний, не то что за бортом, где немереные мили. Считанные секунды – и ты на месте.

Рубка оказалась пустой. Выглядела такой, какой мы ее оставили, направляясь загорать на свежем воздухе. Да, позагорали... А уж выкупались! Никаких признаков того, что после этого здесь еще кто-то побывал. Кто-то, иными словами, – Лючана. Хотя это еще ничего не значит. Профессионал вообще не должен оставлять следов.

Что на шкалах? Мы в погруженном состоянии, глубина девяносто метров, среда спокойна, хода не имеем, впереди – двадцать восемь румбов по компасу – источник слабого постоянного излучения биологического характера, в пределах видимости при пассивном наблюдении другие корабли не фиксируются. Ну прямо благодать. Но сейчас это все мне до лампочки.

– «Триолет», выведи индикатор нахождения людей на борту!

Вывел: схема корабля в трех измерениях, все его отсеки и помещения. На этой схеме каждая живая душа обозначается голубым огоньком в той точке, где она сейчас находится. Индикатор работал, и единственный голубой огонек светился на схеме в помещении рубки. Это я, собственной персоной. Что же, выходит – я на борту единственный?

– Видеопросмотр по всей схеме!

Вирт-капитан не стал возражать, и на экране начали одно

за другим возникать все помещения корабля. Те, где может находиться человек, и те, где он находиться не может и не должен – но все же...

Никого. Ни души и ни тела.

Ой, как плохо...

Отставить ныть. Работать. Искать!

Может быть, Лючана по каким-то соображениям, успокоившись за меня, вернулась в воду? Мало ли: сработал хозяйский инстинкт, она увидела в воде что-то из нашего утраченного при шторме имущества и вышла, чтобы вернуть потерю на место? Не очень вероятно, но все же шанс. Надеюсь, у нее хватило ума выйти в скафандре: хватит с нас путешествий с одной только масочкой.

– «Триолет», наличие скафандров?

«Количество в норме. Находятся в состоянии готовности».

Та-ак. Этот шанс, похоже, горит. Ладно, сейчас не время строить гипотезы. Сперва нужно разобраться с фактами.

– «Триолет»! Показать все записи видеожурнала с момента перехода в режим выжидания.

«Выполняю».

Вот сейчас и увидим все, что происходило с кораблем, внутри и вокруг него, в то время, когда нас здесь не было.

Показ начался с моих пяток, исчезающих в проеме верхнего люка. Крышка опускается. Быстро вращается маховичок ручного закрытия, хотя работает сейчас, естественно,

автомат. Выключается освещение, кроме полагающегося в режиме выжидания именно для того, чтобы велась видеозапись. Система журнала позволяет, как и раньше, увидеть происходившее в любой точке корабля, но мне такая роскошь ни к чему, меня пока интересует только люк. А еще больше то, что происходило – могло происходить – за бортом.

– «Триолет», ускорить протяжку, замедлять только при каких-либо изменениях!

Умный «Триолет», осмыслив полученную команду, вообще выключил демонстрацию корабельных помещений, остались в уголке только изображения приборов. А основную часть экрана заняла та часть суши (тогда еще суши!), на которую мы высаживались с такой радостью. Изображения не статичны; зелень медленно вращается вокруг корабля то по часовой стрелке, то против; на самом деле, конечно, с ними ничего не происходило, а вращался нижний видеопояс, четыре румба вправо, четыре – обратно, чтобы просматривалось все пространство. То же делали и камеры верхнего пояса: вот мы с Лючей на нем, разбираемся с выгруженным добром, камеры панорамируют, вот мы собираемся, вот уходим и скрываемся из виду: нашли тропу и углубились в заросли. Все, что мы вытворяли затем, осталось для камер недоступным – и очень хорошо. Теперь можно перескочить через изрядный промежуток времени, потому что тут ничего не изменится до самого начала шторма. А вот тогда...

Я уже открыл рот, чтобы скомандовать «Дальше!». И тут же захлопнул его. Потому что «дальше» не последовало. Все исчезло. Чернота. Сбой? Сейчас надо... Стоп. Экраны понемногу светлеют. Но теперь весь экран занимает только вода, сперва бурлящая, словно кипяток, поднимающаяся выше, еще выше, вот уже закрывшая все поле зрения... А вот она становится спокойнее, а глубиномер показывает, как стремительно увеличивается расстояние до поверхности. Но это не корабль погружается, он крепко ввинчен в грунт; это поднимается вода, заливая все. Действительно потоп.

– «Триолет», интерпретируй!

«Наблюдаемое природное явление присуще данному миру изначально».

Обрадовал. Утешил. Все на свете растолковал, ничего не скажешь!

– «Триолет», полное объяснение!

Если оно у него есть, конечно. Хотя, вернее всего, он знает столько же, сколько и я. Или все-таки больше?

«Явление известно под названием Великого прилива. Данный мир не обладает выраженной сушей, поверхность покрыта водой, средняя глубина которой оценивается в пятьдесят метров. Однако существование двух массивных спутников на концентрических орбитах приводит к наличию двух постоянных приливных волн, оббегающих планету в соответствии с движением лун. Волны различаются как большая и малая приливные, движение их неравномерно, в си-

ду того, что обращение самих спутников варьируется в зависимости от взаимного расположения трех тяготеющих тел системы. В моменты нахождения планеты и обоих спутников на одной прямой, вследствие наложения волн, возникает явление Великого прилива, которое и наблюдалось в описываемое время. В таких случаях приливная волна значительно выше, а обнажаемая отливом часть дна достигает 60 % поверхности всей планеты. В иных случаях обнажается: при малом отливе 24 %, при большом – до 40 % дна. С началом отлива происходит бурное развитие растительности, продолжающееся и после затопления приливной волной. Конец открытой информации».

Иванос, ты сволочь, гад, урод несчастный, почему же ты не объяснил? Не намекнул хотя бы? В секреты играл? Ну, крокодил шестиногий...

Ладно, стоп. Это потом. Разберемся. Сперва надо из этого варенья выбраться. Что тут у нас было дальше?

А в записи подъем воды прекратился. Вокруг – спокойная глубина. Сколько? Сто двадцать метров. И – полный покой. И – та же растительность, что еще недавно находилась наверху. Теперь она целиком погружена на не такую уж малую глубину и чувствует себя, похоже, прекрасно. Жива и здорова. И то, что казалось мне зелеными веревками или удилищами, теперь развернулось в широкие полотнища. То есть растения предвидели предстоявшее. Знали.

Изображение подрагивает. И начинает уходить вниз. По-

нятно: «Триолет» отвинтился от дна и подвсплыл. Сработала какая-то программа – может быть, после обеспечения собственной безопасности пришла очередь искать людей?

Листья-то, наверное, на этой глубине выживают. А вот Лючана?

Нет. Не может быть. Не согласен. Не хочу! Те, кто нас ведет, должны были дать ей хотя бы такой же шанс, какой подарили мне. Нет, больше! Она заслужила самые лучшие шансы, какие только возможны.

И потом: все-таки кто-то ведь вытащил меня, сам я никак не мог оказаться на борту, да еще в койке в своей каюте! Если не Люча, то кто же?

– «Триолет», прошу начать погружение по вертикали вниз, скорость один метр в секунду. Включить активное наблюдение. Оpoznавать все замеченное и докладывать немедленно!

«Выполняется».

Погружаемся. Дно, бывшая поверхность. Деревья, кусты. Я невольно отвел глаза: испугался, что где-то между ними вдруг увижу неподвижное человеческое тело... Но не глядеть еще хуже: начинаешь невольно ждать тревожного сигнала, который подаст «Триолет», едва в поле зрения окажется что-то подобное. Я снова стал смотреть. К счастью, ничего такого. Здесь ее нет.

А журнал тем временем продолжает разворачивать свои картинки. Но на них – ничего нового. Хотя... Да! Вот оно.

«Оно» – это возникший в углу экрана сигнал: «Принят вызов от источника номер один».

Это – когда я нажал наконец на ту точку.

Запись оживает: приборы стремительно меняют свои показания, как подкупленные свидетели в суде. Корабль обретает ход. Уменьшает глубину погружения. Минута, другая... Включается инфрапрожектор и фиксирует тело, уже начавшее медленно подниматься. Это я, уже потерявший сознание. Корабль быстро догоняет меня. Сейчас он...

Но расстояние между нами вдруг перестало сокращаться. «Триолет» как бы остановился в задумчивости: а стоит ли вообще спасать этого дурака?

Но на самом деле причина явно оказалась другой. А именно: рядом с моим сигналом загорелся и другой. Куда более слабый, идущий издалека, чуть ли не на пределе возможностей браслета.

«Принят вызов от источника номер два».

Это Лючана! Догадалась, прелесть моя!

«Триолет», видно, размышлял: есть две цели, но работать одновременно можно только с одной. И в конце концов выбрал ту, что была ближе.

Нет, Лючана не участвовала в моем спасении. Меня втаскивают в люк – не в верхний, как я полагал, а в трюмный – при помощи выброшенной сетки. На корабле предусмотрены и такие случаи. Есть носилки на микрогравах. Меня укладывают на них прямо в сетке, доставляют в каюту и бе-

режно вытряхивают в койку. Вот почему я оказался – все в тех же плавках, что были на мне в воде, – на покрывале, а не на простыне. Все предусмотрено.

Кроме одного: как спасти одновременно двух людей, находящихся на разных расстояниях от корабля.

А может быть, и такая программа есть, но что-то помешало вирт-капитану воспользоваться ею?

Давай-ка досмотрим журнальную запись по возможности спокойно. Только перед этим дадим «Триолету» еще одно задание. Приоритетное.

– Искать точку-два. Искать человека, даже если точка молчит. Сообщать каждые две минуты. Искать во всех измерениях, радиус поиска увеличивать с каждым витком на два метра.

«Триолет» отреагировал с едва заметной, но все же задержкой. Уж не потому ли (мелькнуло в голове), что искать надо женщину? Интересно, разбирается ли вообще вирт-капитан в проблеме полов?

«Выполняю».

Больше ничего я сейчас предпринять не мог. Разве что понять, почему «Триолет», вытащив меня, не бросился сразу же в направлении точки-второй, чтобы отыскать и Лючану. Для того чтобы разобраться в этом, отгоним-ка запись назад – к тому мгновению, когда был принят сигнал Лючаны, – и будем следить за ним. Любоваться еще раз тем, как в трюм втаскивают мой вышедший из строя организм, я не стану.

Только беречь рану, нанесенную моему самолюбию. Так что там было с сигналом?

Огонек – в записи, конечно, – мигает, но все тусклее. Я уже знаю: не потому, что иссякает энергия приборчика; вспомнил, что сигнал рассчитан на трое суток работы в таком вот – импульсном – режиме. Из других причин можно выбрать разве что одну: расстояние между кораблем и Лючаной увеличивается. И довольно быстро. Корабль практически не движется: он занят моей судьбой. У него свои правила поведения: точка-один – официально «капитанская» – предпочтительнее точки-два, «второго пилота». А теперь вот она удалялась от неподвижного корабля. Ошиблась направлением и вместо того, чтобы плыть к нам, легла на противоположный курс? Неубедительно: раз уж браслет зацепился за корабль, стрелка на нем, как и у меня, точно указала, куда надо грести. Не последовать указанию прибора Люча могла бы лишь в случае, если больше не контролировала свои действия сознанием. Плыла, как и я в последние осознанные мгновения, по автомату. Но не слишком ли быстро она уплывала? Кажется, такой прыткости не проявил бы даже и чемпион Галактики по плаванию. Выясним сейчас же.

– «Триолет», с какой скоростью точка-два в журнале удалялась от тебя?

«Скорость удаления неравномерна. Варьирует между значениями восемнадцать и двадцать два узла. Курс бейдевинд зюйд-вест к весту двадцать два по компасу».

То есть она плывет против ветра? И тем не менее плывет так быстро? Впрочем, ветер может влиять на скорость, только если ты на поверхности. Но на поверхности ее не было: я ведь смотрел, кричал – безрезультатно. Как знать, если бы меня тогда осенила благодать и я догадался воспользоваться браслетом, он, быть может, обнаружил бы своего двойника на Лючином запястье. Но я не родился умным, это факт. Может быть, хотя бы счастливым? Об этом думать не стану, пока не увижу Лючану живой и здоровой.

Но если она уже ушла на глубину, то такая скорость и вообще становится немислимой. Разве что она не сама плывет, а какая-то тварь ухватила ее и уносит. Однако пока еще никаких монстров тут не замечалось. Это, конечно, слабый аргумент, но лучше, чем ничего. А огонек точки-два уже едва заметен, совсем потускнел, его вспышки теперь скорее угадываются, чем четко различаются... Вот сейчас он был еще или уже нет? Скорее – нет.

– «Триолет», каково расстояние до точки-два в момент прекращения сигнала?

«Определенно в две мили».

– Сколько времени прошло с момента, когда сигнал точки-два перестал приниматься?

Впрочем, его ответ мне не нужен: время фиксируется журналом непрерывно. Сколько же там?.. Четыре часа? Это я столько времени провалялся без сознания? Ну ты даешь, Разитель. А о чем, собственно, думал наш чудесный космо-

реплаватель?

– «Триолет», почему не привел меня в сознание раньше?
У тебя что, нет экспресс-метода?

«Ускорение процесса грозило осложнениями и было опасно для здоровья. Кроме того, такие действия не были предусмотрены программой».

– Какой программой, черт бы...

«Выполняемой мною».

Все-таки он глуп. Все они дураки, эти компьютерные навигаторы. Им не понять, что бывают положения, в которых собственное здоровье отходит на самый последний план. В их сложнейших схемах и умнейших программах не нашлось местечка для такой логики – логики любящего человека.

Такие, значит, пироги с капустой.

Лючана перевела дыхание. Не сразу: нормальный дыхательный ритм был давно уже утрачен во время суматошной борьбы с волнами, ветром, обломками кустов. Дыхание чуть успокоилось, но тут же ее стало тошнить. С трудом извернувшись, она подняла голову над низким бортом. Потом, зачерпнув горстью воды, омыла лицо. И стала осматриваться.

Находилась она сейчас в странном суденышке, чьи борта лишь немного поднимались над водой, но когда она попала внутрь, оно оказалось куда просторнее, чем представлялось: неожиданно глубоко сидело в воде. И, видимо, обладало сильным мотором: скорости хватало, чтобы не позволить стихиям сбить суденышко с курса – против ветра и волны. Если позволить ветру с волнами хоть на миг развернуть лодку – или как это суденышко назвать – боком к волнам – моряки, кажется, говорят «лагом», – ее вмиг опрокинет, а тогда... Сама Лючана еще сколько-то продержится, у нее есть маска (Лючана, как хорошая хозяйка, отлично помнила, что у нее есть и чего нет), – но двое, находящиеся здесь, кроме нее самой, наверняка не выдержат долго. А за нею был долг благодарности: они как-никак вытащили ее из воды, помогли взобраться сюда, перевалиться грудью через борт как раз в миг самой большой растерянности: когда обрушилась эта дикая волна и Ра вдруг исчез из виду. Значит, теперь пришел

ее черед выручить их – насколько это окажется в ее силах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.